

СЕРГЕЙ МИЛЬШИН
АНТОНИНА ТЕПЛЯКОВА

АЛМАЗЫ ТАИМБЫ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Сергей Мильшин

Алмазы Таимбы

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 821-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Мильшин С. Г.

Алмазы Таимбы / С. Г. Мильшин — «ВЕЧЕ»,
2022 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8906-8

В эвенкийской тайге во время сплава по Подкаменной Тунгуске вчерашний студент-геолог Иван Поддубный узнает от своих товарищей, что на притоке – речке Таимбе – расположен заброшенный алмазный заводик. Провести его туда соглашается дочь лесничего Тоня. Она выросла в тайге и смело отправляется в поход. Но с какими опасностями придется столкнуться отважным искателям сокровищ, они даже не догадываются.

УДК 821-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-8906-8

© Мильшин С. Г., 2022
© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Сергей Геннадьевич Мильшин,
Антонина Николаевна Теплякова
Алмазы Таимбы**

© Мильшин С.Г., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

Пролог

Укрытое за крутым поворотом мелководье, изрезанное покатыми вершинами булыжников и украшенное бурунами, появилось внезапно, только испугаться и успели. В один миг под брёвнами закипело, плот набрал скорость, теряя управление. В последний момент Иван, дежуривший на шесте, толкнул его ближе к берегу, интуитивно решив, что там глубже. Брёвна втиснулись в протоку между крупных валунов, жалобно застонали канаты-крепления. Парни, рассевшиеся перед натянутой палаткой, до белизны пальцев ухватились за балку, делящую плот на две части. Три долгие секунды держались распахнутые в хоровом крике рты, перекосившийся плот, словно железом по стеклу, поскрипел брёвнами по камням, и перекат остался позади. Будто ничего и не произошло, изделие эвенкийских мастеров мирно закачалось на убегающей волне.

И только миновав опасное место, Иван Поддубный понял, как им повезло. К августу Подкаменная Тунгуска мелела, и даже для плота глубины хватало не везде. Чуть заверни в сторону, и амба. У кого-то из них четверых ангел-хранитель сильно за своего подопечного переживает. Искупались бы уж точно. И вещи утопили бы, а без них в тайге, даже такой внешне благодушной... лучше и не представлять. Чувствуя, как запоздало заколотилось сердце, Поддубный переглянулся с друзьями. Судя по их побледневшим физиономиям, ребята понимали ситуацию правильно.

Пережив неожиданное испытание, парни нервно развалились на свежих пахнущих хвоей брёвнах, а Иван, чувствуя, как подрагивают колени, опустился там, где и стоял. Впереди, насколько хватало зренья, река тянулась спокойная и плавная.

Этот сплав по Тунгуске придумал Костя Алюнин, неугомонный заводила выпускного курса геологов, уже однажды проходивший по этому маршруту с родителями. Тогда, получив на руки дипломы, ребята собрались на крыльце института, обсуждая варианты и способы отметить выпуск, да так, чтобы запомнилось на всю жизнь. Победило предложение Кости сплавиться на плоту от поселка Ванавары до Байкита, районного центра. Кто же знал, что между посёлками одного района больше пятисот километров!

Отправились вчетвером. Само собой, Костя, ванаварский парень, его первейший друг Иван Поддубный, полный тёзка знаменитого борца, да и сам борец, самбист, и братья Вакуловы. Смуглые двойняшки, имевшие лишь отдалённую схожесть.

В основном, путешествие проходило гладко. Разве что иной раз портили нервы перекаты, но с ними пока справлялись. По берегам поднималась глухая эвенкийская тайга, почти сплошь лиственничная и сосновая. Изредка мелькали мрачные ельники, сменяемые лохматыми кедровниками, кое-где густую зелень разбавляли пожелтевшие верхушки берёз. Впрочем, любоваться красотами, особенно в первую неделю, удавалось редко.хлопоты с управлением тяжёлого малопослушного плота занимали гораздо больше и внимания, и сил.

Чем удобно бревенчатое сооружение для сплавщика, так это тем, что не надо каждый день натягивать палатку, поскольку она уже укреплена растяжками на передвижном средстве. И, что немаловажно, перед ней на алюминиевом листе можно в любое время развести костерок. Так что обеды готовили прямо во время движения. А вот спать на плоту не рисковали, можно ведь и в воду сверзнуться.

За день парни так намашутся баграми, что к вечеру пальцы не сгибались, и даже ложка из них вываливалась. И плот к какому-нибудь мыску удавалось притянуть только совместно, вчетвером. А уж там, через силу, словно заторможенные, наскребали в высокой траве сушняк и на костерке подогревали неприхотливый ужин. После молчаливого поедания каши, буквально заставив себя помыть посуду, спешно ныряли в спальники.

Для Ивана Поддубного это был первый выход в глухие таёжные края, и ему иногда приходилось делать над собою усилие, чтобы от восторга происходящего не улыбаться постоянно. Всё-то тут необыкновенное! Когда плот выплывал на спокойную волну, Иван садился на краешек и замирал, разглядывая стройные, покрытые мхом листовенницы, стволы берёзок, на которых серых нашлапок оказалось значительно больше, чем белых пятен. Этим они заметно отличались от сестрёнок из средней полосы. Ивана волновала дикость окружающих берегов, почти не нарушаемая людским присутствием. Хрустальная прозрачность реки, воду которой можно пить, не боясь проглотить какой-нибудь стафилококк. И воздух в глухомани, до которой ещё не добрался человек индустриальный, просто ромашковый. Правда, ребята насчёт ромашек с ним не согласились, справедливо подметив их отсутствие на густо-зелёных берегах, но против сути возражать не стали. И, верно, запахи травяные и хвойные висели над водой просто одуряющие, особенно перед дождём. К счастью, за неделю путешествия дождик накрыл парней всего один раз. В остальное время августовская Эвенкия радовала молодых геологов ровной и иногда даже тёплой погодой.

Ещё в первые дни, когда проплывали в местах грандиозного взрыва, более чем столетнего, обсудили версии происхождения Тунгусского метеорита. Сами следы происшествия тайга давно затянула, как кожа затягивает рану на теле. А вот единого мнения, что же здесь, в чащобах дикого эвенкийского края, произошло, даже спустя столько лет человечество так и не выработало. Не пришли к единому мнению и ребята. Иван был уверен, что это наблюдатели-хранители планеты из космоса его сбили, чтобы метеорит не натворил бед на земле. При этом чуток промазали, и космический пришелец всё-таки оставил поверхностную царапину. Братья сошлись на версии инопланетного корабля, пытавшегося совершить аварийную посадку, но вместо этого снявшего земляную стружку бортом и снова улетевшего в космос. Костя, высмеяв всех троих, пытался доказать, что это был сгусток льда, раскалившийся в плотных слоях атмосферы, ну или, как вариант, эксперимент Теслы. Не зря же великий ученый накануне испытания новой технологии изучал карты Сибирской тайги. Наверняка выбирал незаселённый участок, чтобы люди, в случае, если жажнет сильнее, чем планировал, не пострадали. В общем, пофантазировали на славу.

Разговор, ставший для Ивана судьбоносным, зашёл, когда плот тихо покачивался на волне рядом с небольшой речушкой, мирно вливающейся в течение Подкаменной Тунгуски.

– Таимба, – со знанием дела объявил Костя. – Самая геологическая река.

И увидел три пары глаз, скрестившихся на нём с невысказанным требованием объясниться. Как-никак, профессиональный интерес.

Костя и поведал, что на этой реке в девяностых годах работал алмазодобывающий заводик, обеспечивавший частичную занятость жителей двух соседних посёлков – Ошарово и Мирюги. Правда, это по меркам Эвенкии они соседние, а так между ними около сотни километров по реке.

И вроде неплохо у заводика дела шли. Крошка алмазная добывалась в промышленных масштабах, зарплата народу платилась. Но в те же девяностые владельцы неожиданно куда-то пропали. Скорей всего, их пристрелили в одной из криминальных разборок, которые в те годы считались чуть ли не обычным явлением на улицах российских городов. А трупы куда-нибудь в асфальт или бетон закатали, ну или в тайге прикопали, попробуй там найди. Конечно, это предположение, но факт остаётся фактом – люди как испарились. В результате производство остановилось, и завод обанкротился. И тоже со стрельбой и таинственными исчезновениями людей, здесь работающих.

– В общем, с той поры сюда никто и не заглядывает, – закончил Костя, потянувшись ложкой к котелку, в котором доходила гречневая каша с тушёнкой.

Ну, поговорили и поговорили. Костя много чего про здешние места знал, слушали его всегда с удовольствием, по истечении некоторого времени благополучно забывая. Но на тот

момент в голове Ивана что-то щёлкнуло, и рассказ приятеля об алмазном заводике зацепил надолго. Он не стал делиться впечатлениями с друзьями, чтобы не нарваться на смешки. Но для себя решил твёрдо: пройдёт время – и он обязательно вернётся к этому заводу. Мечтал ли он разбогатеть на алмазах? Пожалуй, себе Иван мог признаться честно: да, мечтал. А ещё: сходить в поход по таёжной реке – это же интересно. Алмазы Таимбы – это почти как сокровища пиратов! Звучит! В любом случае, он не сомневался – путешествие в эти места доставит ему массу незабываемых впечатлений.

С этого времени Поддубный начал потихоньку готовиться к поискам таинственного завода. Но тогда он ещё не мог предположить, что жизнь окажется такой вихревой и затягивающей, что вернуться на берега Подкаменной Тунгуски он сможет только спустя десять лет.

Глава 1

Самолёт прибыл в Байкит по расписанию. Выяснив у местных жителей, где находится гостиница, Иван Поддубный двинулся за другими прибывшими пассажирами по узкой тропинке вдоль покосившегося штакетника. Похоже, выход в посёлок тут один для всех. На нём камуфляжный костюм, плечи оттягивал объёмный рюкзак с притороченным свёртком палатки. Да, десять лет не заносило геолога в этот посёлок. Пока забивал копейку полевым геологом в буровых компаниях, вахтуясь по месяцу на скважинах, а потом, протирая штаны в офисах, весь Север и половину Сибири объехал, а вот сюда как-то не довелось. Первый и последний раз побывал в посёлке, когда на плоту с друзьями путешествовал.

Сравнить, как изменился Байкит с тех времён, Иван не смог бы при всём желании. Десять лет назад, едва плот причалил, он вместе с братьями Вакуловыми рванул на аэродром. Самолёт, на который у них ещё в Красноярске были куплены билеты, отправлялся через час, и окружающие виды в тот момент интересовали их меньше всего. Да и насмотрелся Иван за двухнедельное плавание по Тунгуске на разную экзотику до полного опустошения и потери всякого интереса. Теперь остро хотелось в цивилизацию, в грязный город, где под ногами потрескавшийся асфальт, воздух пропитан привычными и такими родными выхлопами бензина, а комары – так, для антуражу, а не тучами. Костя добровольно оставался в Байките разобраться с плотом. У парня в посёлке жили какие-то родственники, так что он не торопился.

Иван, осматриваясь, медленно топал по тропинке, уходящей вглубь селения. Деревянные двухэтажки, небольшие потемневшие от времени рубленые домишки, пыльные улицы, заросшие по обочинам цветущим иван-чаем. Обычный посёлок, каких в Сибири полным-полно. Задерживаться здесь Иван не собирался. Ещё загодя он составил маршрут так, чтобы на пересадку потратить как можно меньше времени. Самолёт Красноярск – Байки отправлялся из столицы Края два раза в неделю. Один из рейсов, по вторникам, подходил Поддубному как нельзя лучше. Ночь в местной гостинице – и он отправится дальше. Только уже не самолётом, а вертолётom, летавшим в Ошарово по средам.

Гостиница нашлась по соседству с детским садиком «Оленёнок». Длинное одноэтажное здание, а таких строений в Байките большинство, обычный сруб, оббитый кое-где обвалившейся вагонкой. Внутри небольшая конторка и коридор, пронзающий гостиницу насквозь. В него выходят старенькие двери комнат с табличками номеров, под ногами – скрипучие полы под затёртым линолеумом.

Кинув рюкзак на выдавшую виды кровать, он отправился по продуманному загодя направлению. Дорога его лежала в местное лесничество. Ивану нужен проводник, а где ему ещё могут помочь, как не в главном таёжно-лесном центре района? Десять лет назад, когда сплавлялись по реке, Костя ненароком упомянул Ошаровского лесника Николая, выдав в его адрес несколько комплиментов. Мол, толковый мужик, тайга для него – дом родной. И Иван не без оснований надеялся узнать здесь о его судьбе.

И не ошибся. Миловидная девушка, оказавшаяся мастером леса, крайне засмущавшаяся, когда Иван выложил перед ней коробку конфет, едва сообразив, о чём её спрашивают, без колебаний тут же назвала бывшего лесника Николая Алексеевича. По её словам, он знает тайгу как свои пять не раз отмороженных пальцев. Пару лет, как на пенсии, и вполне возможно, не откажется проводить молодого человека, куда нужно. На вопрос, а куда молодой человек собрался, Иван расплывчато пояснил, что интересуется красотами Подкаменной Тунгуски. Ну и Тунгусским метеоритом тоже. Последнее объяснение устроило девушку полностью. Похоже, не он один из находящихся в Байките транзитных пассажиров интересовался загадочным взрывом.

Тайга под вертолётom тянулась, казалось, бесконечно. Сумрачные болота, утыканные покосившимися берёзками, извилистые речушки, наворачивавшие чуть ли не кольца и теряю-

щиеся в глухомани, зелёные сосняки с пятнами пожелтевших лиственниц, проплешины, оставленные лесорубами. За все полтора часа, что Иван провёл в воздухе до первой посадки, внизу не обнаружилось ни одного населённого пункта.

По пути приземлились в крохотном притунгусском селе – Куюмба, состоявшем сплошь из деревянных домишек, что и неудивительно для лесного края. Кирпич здесь дорог, по воздуху или по реке не навозишься.

Деревня и деревня, ничего особенного. Иван быстро потерял интерес к покосившимся заборам и стареньким избам за иллюминатором. Мыслями он уже составлял разговор с бывшим лесником. Геолог и мысли не допускал, что он откажет. Или просто не хотел допускать, надеясь на удачу и на то, что пенсионер вряд ли упустит шанс подзаработать. Пенсиями-то наших стариков родное правительство ну совсем не балует.

Чихнув пару раз, вертолёт снова запустил винты. Народу в салоне и было немного, да из них ещё с пяток человек сошли. Дальше отправились с полупустым салоном: тонкая девушка, похоже, учитель, сопровождавшая троих детей школьного возраста, возвращающихся из лагеря, и сам Иван.

Заложив круг, вертолёт набрал нужную высоту, и геолог опять прилип к иллюминатору.

Лавочки в вертолёте прикручены по бортам, сидеть, навалившись спиной на холодную стенку, не очень комфортно, но терпимо. А вот выглядывать в круглое стекло крайне неудобно. Для этого надо развернуться на девяносто, а то и больше градусов. Скоро поясница начинает заедать, долго не просидишь. Но Иван, сколько мог, старался на неудобства не обращать внимания, уж очень красивые виды разворачивались под бортом. Осенняя тайга – это что-то!

К тому же его одолевало какое-то детское желание – хотелось увидеть хозяина этих мест – косолапого. Но сколько ни всматривался в мелькающие травянистые полянки, ни одного живого существа так и не углядел. Хотя та же девушка из лесничества предупреждала, что в этом году в Эвенкийской тайге полно медведей, спасающихся от пожаров, охвативших северные районы Красноярского края. Скорей всего, она малость преувеличила. Или, что, скорее всего, косолапых в тайге всё-таки не настолько много, чтобы с вертолёта можно было их засечь. Даже с учётом пришлых северян.

Посёлок Ошарово вырос из-за деревьев неожиданно. Только что тянулась разноцветная тайга, несколько секунд, и на выскочившей откуда ни возьмись полянке выстроились две параллельные улицы деревянных домишек с шиферными крышами, убегающие от блестящей глади Подкаменной Тунгуски. Взгляд зацепил разноцветные лодки, приткнутые к её пологому берегу. Ручей, вливающийся в лоно главной речки Эвенкии, людей, спешащих к вертолёту. Рядом с деревянным же посадочным настилом стандартная дощатая автобусная остановка, почему-то повёрнутая к посадочному квадрату тыльной стороной. Причину такого архитектурного решения Поддубный понял, когда машина зашла на посадку, поднимая тучи пыли и лесного мусора. Народ, встречающий рейс, благополучно укрылся от летящих в лицо хвои и щепок за стенкой остановки.

Дождавшись, пока остановятся винты, один из вертолётчиков скинул короткую, на три ступеньки, лестницу, и сам же спустился по ней.

Доски под ногами чуть подрагивали, мужики торопливо разгружали машину. Детей встречали соскучившиеся матери. Иван с лёгкой завистью поглядывал на радостные детские лица, на женщин, тискающих родных, сам он семью так и не завёл. У геологов с семьями вообще плохо.

Воздух, напоенный сосновой хвоей, показалось, сам лился в лёгкие, отвыкшие от густого таёжного кислорода. Правда, вместе с воздухом в рот пытались проникнуть и стаи комарья, но тут уж ничего не поделаешь: за всё хорошее в жизни надо платить. Иван несколько раз отмахнулся. Впрочем, без результата.

«Так, всё хорошо, а куда идти? На дворе обед. А гостиница тут вряд ли предусмотрена».

Иван обратил внимание на пожилого эвенка, аккуратно сгружающего с плеча тяжёлую картонную коробку на настил. Он местный, значит, должен всех знать:

– Уважаемый, не подскажите, как мне найти бывшего лесника Николая Алексеевича?

Выпрямившись, эвенк ткнул пальцем куда-то за вертолёт, и снова скрылся в его горячем нутре.

«Что ж, направление есть, уже неплохо».

За вертушкой Иван обнаружил заросшую травой давно не используемую взлётную полосу. Скорей всего когда-то сюда летали трудяги Ан-2, но с началом перестройки рейсы назвали нерентабельными, и полёты прикрыли. Как и по всей России. «Хорошо хоть вертолёты изредка в эту глухомань наведываются».

От настила вокруг островка соснового бора убегала хорошо утоптанная тропинка. Поскольку других путей тут не наблюдалось, пошагал по ней. Перебравшись через заброшенную взлётку, Иван вышел к невысокому дощатому забору. Дальше тропка тянулась вдоль досок. Пройдя ещё несколько десятков метров, Иван вышел к распахнутым воротам, за которыми просматривался огромный двор, ограниченный с дальнего края густой лиственничной тайгой. По самым примерным прикидкам, с гектар будет. «Да уж чем-чем, а землёй тут народ не обделён».

Где-то недалеко работал движок. «Может, тракторок какой-нибудь», – предположил Поддубный, оглядываясь.

Усадьбу перегораживал вытянутый деревянный дом. В него вели два крылечка по краям. Сбоку – делянка, засаженная картошкой с уже высокой ботвой. С другой стороны к сараю приткнулись два трактора и алюминиевая лодка. В глубине двора, наверное, несколько соток занимала огромная застеклённая теплица, из крыши её выглядывала труба буржуйки. По правой стороне почти новенький сруб: то ли большая банька, то ли небольшой домик.

Неожиданно из-за угла дома выскочили две крупные лайки. Виляя завернутыми кольцом хвостами, молчком устремились к Ивану.

– Умка, Байкал! – послышался женский голос, и следом появилась женщина.

Плотная, невысокого роста в тёплой кофточке.

– Здравствуйте! – Иван опасливо покосился на собак, обнюхивающих его издали. – Подскажите, могу ли я увидеть лесника Николая Алексеевича?

Женщина дружелюбно улыбнулась:

– Да, конечно. Он сейчас на ручье качает воду в баню, – она коротко оглядела гостя. – А вы проходите в дом. Пока он там закончит, я вас чаем напою.

– Не откажусь. Собаки не кусаются?

– Если и кусаются, то не сильно, главное, руками не машите, – чуть улыбнулась она.

– Предельно ясно.

Последовала команда «Домой», и лайки, вывалив ярко-красные языки, поскакали обратно. У крыльца Иван заметил клумбу, засаженную разноцветными цветами. Ни одного он не узнал. Впрочем, он никогда культурными цветами и не интересовался. Ромашку от гладиолуса ещё отличал, а больше ему как-то и не требовалось.

Уже на крылечке женщина обернулась:

– Давайте знакомиться. Я жена Николая Алексеевича, Наталья Шакировна, можно просто Наталья.

– А я Иван.

Скрипнула дверь, и они оказались в полутёмной веранде. Вторая дверь вывела их в светлую большую комнату.

– Сильно дверями не хлопайте, наши девчонки спят, неделю назад прилетели. Все нарыбачиться не могут, каждое утро на реку ходят, потом отсыпаются.

Иван кивнул, решил, что про девчонок ещё успеет расспросить. Или сами появятся, расскажут.

Внутри дом показался огромным, Иван подумал, что здесь жилось бы комфортно даже очень большой семье. Направо вход в просторную кухню. Туда он и направился вслед за хозяйкой. И первое, на что обратил внимания, была печь, занимающая, наверное, четверть помещения. Не удержавшись, обошёл вокруг. В топке обнаружился водяной котёл. Вот, поэтому она такая большая! И сюда цивилизация отчасти добралась. Пока Наталья расставляла чашки на столе под клеёнкой и наливала из большого электрического термоса кипятка, Иван незаметно осматривался. В старых домах ему ещё бывать не приходилось.

Потолок чисто побелен, на стенах обои, посредине – стол и стулья, у стенки – диван, напротив простенький кухонный гарнитур. Наталья кивнула на стул:

– Садитесь сюда.

Иван подтянул полную чашку поближе. На столе появилась вазочка с мёдом, тарелка с печеньем.

– Семья, видимо, немаленькая у вас? – стесняясь собственного любопытства, поинтересовался Иван.

– Да не сказать, чтобы и сильно большая: мы с Николаем и четверо детишек, дочка и трое сынишек. Все разлетелись кто куда, а мы остались вдвоем в этих хоромах.

– Цветы красивые у вас. Как вам удаётся их выращивать? Всё-таки Эвенкия...

Польщённая интересом молодого человека, Наталья снова улыбнулась:

– Мы рассаду дома садим, потом чуть отоплит, выносим в теплицу, в землю, и топим, пока температура на улице не поднимется. Нам повезло, что огород на природном песчаном пупке, поэтому и теплица на фундаменте стоит. В деревне у всех теплицы на сваях, иначе не успевает земля оттаивать. Мерзлота! Зато у них там торфяники, земля, как пух, когда просохнет. И урожай соответствующий. В общем, везде свои преимущества. И недостатки.

За окном затих работающий движок. Оба обернулись к окну.

– Ну вот, накачал. Сейчас придёт.

– А зачем у вас второй вход в дом? – неожиданно для себя спросил Иван.

Наталья присела напротив:

– Там лесничество. Я же раньше лесничим была Ошаровского лесничества, а Николай – лесником. Этот дом как кордон раньше был. Теперь нашу половину перевели в жилой фонд, а там так и осталась контора. Что с ней будет, вообще непонятно. Все дела лесные сейчас в Байките решаются, в лесничестве сидеть некому, а отопление общее с домом. Вот и приглядываем, а что делать?

Иван покивал. История знакомая, сколько нынче закрытых лесничеств по стране! И не сосчитать. Всё экономят. Доекономятся когда-нибудь. Впрочем, уже доекономились, пожаров вон, каждый год всё больше и больше в тайге.

Снова скрипнула дверь, и в проходе показался крепко сбитый, высокий, с длинными мозолистыми руками мужчина. Он внимательно глянул на Ивана, и тот изумился его голубым, словно лесные озера, глазам. Сейчас такие глаза редкость, в городе и не найдешь. Вот почему-то примерно так Иван себе Николая и представлял.

– Э, да у нас гости! – скинув короткие сапоги в углу, он поспешил на кухню.

Иван поднялся навстречу:

– Здравствуйте, Николай Алексеевич.

– И вам здравствуйте, – прижимая рукой поясницу и чуть сморщившись, лесник опустился на соседний стул. – Никак по нашу душу?

– По вашу, Николай Алексеевич.

– Ну, по нашу, так по нашу, – он обернулся к супруге. – Давай-ка нам отобедать. Чайку после погоняем. Гость наш с дороги, наверняка живот к спине прилип. – И кинул вопросительный взгляд на Ивана.

– Признаться, проголодался, – тот тоже присел.

Вскоре на столе появились тарелки, полные густой наваристой ухи. Иван с удовольствием, чувствуя, как заработали рецепторы вкуса и запаха, втянул волшебный дух ноздрями.

Пока обедали, больше молчали. Лишь иногда супруги бросали короткие фразы, о чём-то только им двоим ведомом. На Ивана старались не смотреть, дабы не смущать. Иван был только рад, проголодался он и верно изрядно. К концу обеда из комнаты за спиной появились «девчонки»: миловидная молодая женщина лет двадцати восьми, чем-то неуловимо похожая на отца, и пятилетняя девочка, стесняющаяся незнакомого человека. Хозяин дома познакомил дочку и внучку, оказавшихся Тоней и Кристиной, с Иваном, и они, с интересом поглядывая на нового человека, уселись за стол.

После обеда народ не спешил расходиться по комнатам. Наталья долила воды в электротермос, и он вскоре снова зашипел. Тоня увлечённо рассказывала об утренней рыбалке. Сегодня улов не обрадовал, к чему она отнеслась с юмором, посетовав, что крови больше потеряли от комарья, чем рыбы наловили. Но всё равно, как понял Иван, обе остались довольны самой возможностью рыбачить на родной реке.

В чашках снова появился ароматный травяной чаёк, и Николай Алексеевич наконец решил, что пора гостя и пораспрашивать. Приобняв внучку, ёрзавшую у него на колене, поднял вопросительный взгляд на Поддубного:

– Ну, рассказывайте, молодой человек, что привело в наши края?

Иван, чуть волнуясь, прокашлялся.

За стеной шумно проскочили собаки, и оба мужчины обернулись, прислушиваясь, один с любопытством, другой озабоченно. Но звуки с улицы больше не повторились, и лесник снова успокоился. Тусклое окошко занавеской укрывала накатывающая темнота. На полу под боком у протопленной печки развалилась чёрная, как ночь, кошка Сильвия. Кристина, набегавшись по дому за кошкой, объявила всем, что пойдёт читать книжку, и исчезла в дальней комнате. Наталья, накинув куртку, ушла на улицу, как объяснила, теплицу закрыть. Тоня снова была по кухне, убирая последние тарелки со стола. В горнице продолжался недавно заведённый разговор.

Ещё до того, как перешли к главной теме, Николай узнал, что Иван – геолог, но сейчас не работает. Партия в Усть-Куте развалилась, и он остался не у дел. Много мотался по северам, и в этих местах бывал, когда сплавался ещё в студенческие годы по Подкаменной Тунгуске. Тогда же был наслышан о здешнем леснике, который в окрестных лесах, как в собственном доме ориентируется. А уже в Байките, наведя справки, узнал, что Николай на пенсии. Чему он, признаться, даже обрадовался.

– В общем, кроме вас, Николай Алексеевич, никто мне помочь не сможет, – не дождав-шись реакции от лесника на свою просьбу, уже третий раз повторил Иван. – Да и боязно, честно говоря, кого-нибудь другого просить.

– А меня, значит, не боязно?

Иван поднял уверенный взгляд:

– Вас не боязно.

– Это почему, интересно?

– А потому что честного человека всегда видно. И кроме того, мне про вас так и рассказывали. Мол, на редкость порядочный человек.

Николай хмыкнул:

– Вот так, значит. Ну, это ладно. С народной молвой спорить дело бессмысленное, – он качнулся вперёд. – Давай-ка ещё раз, поподробней. Куда, насколько, что от меня нужно.

В боковой комнатке звякнула крышка, и Иван на секунду отвлёкся. Тоня что-то объясняла, вероятно, уже начитавшейся дочке. Слышались только отдельные слова. Он потёр лоб, думая, с чего начать, чтобы прозвучало убедительно. Поддубный уже рассказал про алмазный заводик, приведший его в этот дом, но лесник попросил повторить. Надеется услышать что-то новое? Ну уж нет, повторять с самого начала – увольте. Чего-то другого он всё равно не скажет, нечего потому как. А суть ещё разок обрисовать, – это можно.

– В общем, историю про то, как меня эта идея посетила, я повторять не буду, думаю, для нашего похода это и не так важно. А про остальное – пожалуйста. Итак, ещё раз: на реке... стоит заброшенный алмазный заводик. Это вы знаете?

У Николая даже веко не дрогнуло. Не дождавшись реакции, Иван продолжил.

– Почему его забросили, я так сведений и не нашёл. Есть предположение, что убили владельца. А потом наследник ушёл на тот свет – и тоже подозрительно. Новый хозяин долго не объявлялся. А когда, наконец, нарисовался, грохнули и его. Но предельно ясно, что с тех пор заводик вроде как ничей. По слухам, алмазная жилка там осталась невыработанной. Думаю, если потом народ по-тихому и начинал там работать, то жилка, скорей всего, от них спряталась.

– Это ты почему так решил?

В дверях, привалившись к косяку, замерла Тоня, с интересом прислушиваясь. Иван блаженно ей улыбнулся.

– Есть соображения. Друг у меня хороший в этой сфере крутится. Если бы отсюда алмазы всплыли на рынке, он бы знал.

– А что, алмазы с каждого рудника разные?

– Конечно, разные. Я вам сейчас объяснять не буду почему, просто поверьте, всё же я геолог. Так вот. Чтобы найти жилку, нужно пробы собрать, потом их в лаборатории на специальных приборах изучить. Тут комплексный подход нужен. Не уверен, что дикие искатели, если они и были, научным методом владеют. А без него там никуда.

– А ты, значит, владеешь? И приборы есть?

– Владею и приборы есть. Выкупил как-то по случаю. Дома у меня почти полностью оснащенная лаборатория собрана.

– Разбогатеть хочешь?

– Почему бы и нет? Может, и научную работу напишу на эту тему. Дело это рискованное, но выгореть, я считаю, может. Вас тоже не обижу. У вас вон дочка и внучка на попечении. Наверняка пенсия-то небольшая.

Николай вздохнул:

– Признаюсь, заманчиво, но...

Иван спешно перебил, вдруг испугавшись, что лесник откажет:

– Не отвечайте сразу. Подумайте. Сами видите, я от вас ничего не скрываю. И потому надеюсь на вашу помощь. Очень надеюсь.

Николай распрямился и уже, не стесняясь, поводит плечами. Прижав кисть к пояснице, удержал стон. Махнул дёрнувшейся к нему дочке рукой, мол, не волнуйся, справлюсь.

– Не бывал я в тех краях, признаться. Да и из наших вроде туда никто не ходил. Хотя дело нехитрое. Может, и отыскали бы. Но... Поясница, задери её нелёгкая. – И, обернувшись к Ивану, добавил: – Вот тебе и ответ. Был бы помоложе да поздоровей, сводил бы тебя к заводу. А сейчас – не обессудь. Не смогу.

Крякнув, он поднялся. Тоня всё-таки подскочила к отцу:

– Папа, тебе помочь?

– Так, кыш всем по койкам. Не настолько уж я больной.

Тоня, поймав разочарованный взгляд Ивана, растерянно замерла рядом с отцом. Пару секунд она о чём-то раздумывала. А в тот момент, когда Николай у двери надевал галоши, вдруг решительно выдала:

– Я тебя свожу.

Глава 2

Николай Алексеевич замер, забыв всунуть ногу в галошу. Придерживая спину, развернулся:

– Чтооо?.. Не выдумывай. Твоё дело посуду мыть.

Но Тоня уже всё решила. Это же такое приключение! Если пропустит, никогда себе не простит. Она соорудила умильную мордашку, зная по опыту, что такой дочке отец отказать не сможет:

– Ну, пап, мне тоже интересно. Представляешь, затерянный заводик! И у нас тут, считай, под боком. Да и идти, я так понимаю, надо до Таимбинского истока всего лишь. – Она вопросительно глянула на Ивана, и тот активно закивал. – Ты же знаешь, какие там красивые места. Сейчас, в августе, особенно!

– Да, красивые. А у тебя, Иван, ружьё есть?

Иван, растерянно переглянувшись со своей неожиданной проводницей, покачал головой. Он вообще-то перед поездкой подумывал купить оружие, и даже начинал проходить медкомиссию, но оформить все разрешения времени не хватило. К тому же даже обычная одностволка стоила для него почти запредельно. Он и так потратился, готовясь к походу. Ещё и лаборатория, хоть и выкупленная по дешёвке, обошлась Поддубному в большую часть накопленных средств. Так что из дома он вышел почти с пустым карманом, рассчитывая заполучить вместе с лесником и его ружьё.

– Вот видишь, одно оружие на двоих – маловато будет. А если медведь?

Тоня уже победно улыбнулась. Про медведя это отец зря. Похоже, аргументы у него закончились, не начавшись.

– Пап, ты же лесник. Знаешь, медведь сейчас сыт, не думаю, что мы его заинтересуем.

Отец огорчённо почесал затылок.

– Медведь – он медведь и есть. Конечно, он сейчас не так опасен, как весной.

– Вот видишь, сам всё понимаешь, – Тоня, почувствовав слабину, дождалась. – А пойдём мы на лодке-деревяшке. Мотор «Ветерок» возьмём.

– Какая деревяшка? – опять возмутился отец, и Тоня поняла, что сопротивление сломлено. – Ты представляешь, как тяжело её тащить по мелям будет, август месяц, как-никак. На казанке надо. Таимба твоя вообще на глазах мелеет. С каждым годом все мельче и мельче.

– Ну да, я что-то не подумала, – подпустила Тоня виноватых ноток в голос.

Николай Алексеевич, сообразив, что всё опять вышло по дочкиному сценарию, тяжело вздохнул.

– Ну и проныра ты у меня. Ладно, завтра поговорим. И говорю тебе, одумайся!

– Конечно, конечно, поговорим, – Тоня незаметно заговорщицки улыбнулась Ивану.

Иван готовился к тому, что мать тоже придётся уламывать, причем, по его представлению, переживать за дитё она должна ещё пуще отца, но, к его удивлению, Наталья согласилась сразу. Услышав про наметившееся путешествие дочери, она только пожала плечом:

– Это ты хорошо придумала, – заметив возмущённое лицо отца, объяснилась. – Чего ей дома сидеть? Отпуска три недели впереди, успеет и напутешествоваться и дома навалиться. А Кристинке тут и без того не скучно. Подруги, вон, не переводятся.

Николай Алексеевич, в тайне надеявшийся на поддержку жены, теперь уж сдался окончательно:

– Ну, хорошо. Езжай, – он повернулся к Ивану. – Завтра и отправляйтесь. С утра в магазин сходим, купим кой-чего, консервов там, крупы, и ехайте. Но я с вами пойду. До Таимбы провожу.

Тоня с благодарностью прижалась к отцовской щеке, а Иван мысленно поздравил себя: первый этап долгого пути к алмазам, далеко не самый лёгкий, он преодолел.

Утро выдалось солнечным. Тоня отодвинула шторку, и в окошко проник ещё несмелый, но уже радостный лучик. На секунду она зажмурилась. «Хорошо-то как! Вот только вялость какая-то?» – Неторопливо одеваясь, она поняла, что не выспалась. Полночи ворочалась, строя планы на предстоящий поход. «Ничё, на реке быстро сонливость пропадёт». Лишь со второго раза попав в рукав кофточки, она поняла, что волнуется.

«Вот же, как маленькая, – усмехнулась Тоня мысленно. – Вроде и по тайге, и по реке не раз ходила. И одна на охоту выбиралась. Должна быть привыкшей, а поди ж ты. Хотя тут трудно оставаться спокойной. Проводником, да к загадочному заводику, сопровождать кого-то ещё не приходилось».

Иван ей не понравился. Бука серьёзный. И сам по себе какой-то невзрачный. Ещё, и похоже, ниже её ростом. Рядом Тоня вчера не вставала, но впечатление создалось такое. Она сама высокая, метр семьдесят четыре, и мужчины ей нравились, чтобы повыше и, желательно, покрепче. Не то, что этот, доходяга. И нос у него кривоват, свернули, что ли?

Кристина тоже уже не спала. В последнюю неделю они поднимались раненько, для обеих порывчатость – удовольствие. «Наверное, привыкла на зорьке вставать или сама, пока возилась, разбудила? Но сегодня, дочка, ты дома остаёшься. Как бы ей объяснить, чтобы за мамку не волновалась?»

– Доброе утро, дочуня! – Тоня присела на край кровати. Погладила по растрёпанным волосам. – Ты у меня девочка взрослая и должна понять, маме нужно будет уехать на недельку-другую помочь дяденьке Ивану. Ты же у меня хорошая девочка? С бабушкой и дедушкой оста-нешься?

Кристина потёрла заспанные глаза.

– Хорошо, мам, только ты быстрее приезжай.

– А ты смотри, чтоб кошка Сильвия сильно не баловалась, договорились?

Кивнув, дочка опустила взгляд. Но кошки рядом не было, наверняка уже носилась во дворе.

«Хух... у дочери отпросилась, теперь бы отец в последний момент не заартачился. Он может, если чего-нибудь новенького за ночь себе понадумает».

Когда Иван вышел из угловой комнатки, где его разместили на ночлег, на кухне уже собрались все. Пахло свежеспеченным хлебом и заваренными травами.

Поздоровавшись, присел за стол. Николай Алексеевич, отодвинув пустую чашку, упёр строгий взгляд в дочку:

– Ну что, Антонина, не передумала? – пальцы пробарабанили по столу незнакомый мотив.

Тоня поправила непослушную чёлку:

– Пап, ты как на войну отправляешь. Погляди лучше свою карту с избушками по рекам, я себе план набросаю.

– Ну, раз такая упёртая, тогда так. Короче, возьмёте лодку Обушку¹, она лёгкая. Пойдёте по Тунгуске на «Вихрь»². Он помощнее будет, глубины здесь должно хватить. У него «сапог» почти метр, для Тунгуски сгодится. «Ветерок»³ двенадцатый с собой возьмёте. На нём по Таимбе сподручней будет. Там вам скорости ни к чему. Негде там разгоняться. Потихонечку не спеша и пойдёте вверх по Таимбе, а до её устья я вас провожу. Там заберу у вас «Вихрь»,

---

¹ Лодка «Обь».

² Мотор «Вихрь».

³ Лодочный мотор «Ветерок-12».

чтоб вы с ним не таскались. Он вам там без надобности. Ну что расселись? Иван, чай попил? – дождавшись кивка, поднялся. – Время идёт, а дел ещё полно.

Солнце, выглянув с утра пораньше, вскоре укрылось за пробегающей тучкой, и на улице будто снова похолодало. Иван поёжился: «Может, чуть больше нуля. И это август!»

В багажник старенькой «Нивы» загрузили канистры с бензином. Рядом пристроили два лодочных мотора. Тележку с лодкой взяли на прицеп. Лесник старался не показывать боли в спине, но нет-нет да хмурился и по лицу разбегались морщинки. Садился за руль осторожно, с трудом закинув ноги через порог.

Наталья, суетясь, в последний момент сунула дочке свёрток со свежее испечённым хлебом. Молчком чмокнула, рука поднялась вслед, и крест благословил экспедицию.

Покачиваясь и погромыхая, выехали со двора.

На берегу у самой воды людей встречала лодка Николая с задраным мотором. Красная, как наливное яблоко. Иван, чувствуя нервное возбуждение, шустро выпрыгнул из салона. «Надо же, и мотор не убирают. Видать, воровать тут не принято». На боку лодки бросалось в глаза обведённое свежей краской название «Крым».

Николай смахнул ладонью выступившую на бортах изморось. Трава берега тоже светлела свежей белизной. Изморось отложилась и на тёмных досках пирса. Ночью, похоже, морозец наведывался. Он ещё молодой, по аналогии с человеком, безусый юнец, потому сил у него пока немного. Но растёт быстро, не успеешь сентябрь встретить, как этот юнец в молодого мужчину превратится, а там уже и Морозом Ивановичем назовут.

По очереди спустили на воду «Обушку» и «Крым». Николай, не торопясь, залез в каждую. Постоял, покачивая и внимательно разглядывая дно.

Наконец, выдал резолюцию: «Годится. Течи нет».

– И с чего бы они потекли? – не понял Иван. – Они же металлические.

Лесник хмыкнул:

– Не скажи. Это кажется, что они такие прочные. Дырку пробить – раз плюнуть, почти как в камере лисапедной. Можно при транспортировке заполучить. Или даже вот пока мы её с берега толкали. Так что на воде завсегда проверять надо. – Он недоверчиво смерил Ивана взглядом. – Ты с мотором-то управляться умеешь?

– Ну, как сказать, – замялся тот. – Думаю, должен справиться.

– Ну, раз думаешь, значит, справишься, ежели чё, дочка подскажет.

Последнюю сумку с продуктами Иван разместил на корме покачивающейся посуды. Тоня, придерживая приклад ружья, запрыгнула первой. Чуть отстранилась, пропуская Ивана. Тот неловко пробрался на нос. Холодная волна, растревоженная осевшей лодкой, набежала на кирзовый сапог Николая.

– Ничего не забыли?

Тоня, колдующая у навесного мотора, подняла серьёзные глаза:

– Пап, ты третий раз спрашиваешь.

– Лучше третий раз спросить, чем потом чего-то не найти.

– Да взяли-взяли. Проверили же.

Николай вздохнул, отвязывая швартовый узел.

– Идите не спеша, я следом двинусь. Догоню.

Тоня нажала кнопку на корпусе движка, и с первой же попытки старенький «Вихрь» весело затарахтел. Развернувшись, махнула отцу. Лодка дёрнулась, и речная гладь Подкаменной Тунгуски взбудоражилась моторным винтом.

В этот момент Иван понял: только что успешно миновал второй этап в осуществлении мечты десятилетней давности. Если бы на удаляющуюся лодку не поглядывал копошащийся на берегу Николай, он бы сейчас перекрестился, хотя никогда шибко верующим себя не считал. Есть такие моменты у крещённого человека, который, может, и в церковь-то пару раз в

жизни заходил, когда рука сама тянется наложить крест на грудь. Теперь он мог признаться самому себе, словно снимая тяжкий груз с души, что до последнего сомневался в осуществлении выношенного плана.

А сколько раз, казалось, непреодолимые обстоятельства задерживали экспедицию?! Да не сосчитать. А какие усилия потребовалось приложить, чтобы в комнате появилась фактически автономная лаборатория?! Можно сказать, сверхчеловеческие. И ведь никому рассказывать нельзя, потому как история эта нелегальная, мутная, а местами и тёмная. Уже тут, в Ошарово, мечта чуть не рухнула из-за не вовремя заболевшей спины лесника, что повергло Ивана в самые растрепанные чувства. Но к его счастью, бог не оставил путешественника, и неожиданной спасительницей к нему явилась Тоня с предложением проводить до заводика. Да, повезло. Хотя как сказать. Замена опытного таёжника Николая на непонятно что, точнее, кого, это, выражаясь лошадиной терминологией, как победителя-скакуна на тёмную лошадку.

К женщинам в тайге он относился с предубеждением. Как, собственно, и к женщинам за рулем трактора, в отряде космонавтов или в кабинете руководителя. Есть профессии и места, где слабому полу не место изначально и по сути. Ну, другое у них предназначение. Очаг, семья, муж – вот для чего они созданы природой, и пересмотр в последние десятилетия этого извечного правила он воспринимал как кощунственное вмешательство в промысел божий. Будь другая возможность, ни за что бы не согласился на поход с Тоней. Но выбора ему не оставили. Не искать же по всему посёлку нового проводника? И так пришлось ошаровскому семейству рассказать всё. Они, конечно, пообещали никому не болтать, но кто его знает... – Он с сомнением покосился на серьёзную Тоню, занявшую место у движка. – «Надо самому попробовать порулить. А то на этих женщин надежды мало».

Лодка немного качнулась, когда Поддубный уселся рядом с женщиной. Он поспешил ухватиться за борт. Тоня усмехнулась. «Вот же, блин», – ругнулся он на себя. – Как слон. И она тоже хороша! Прямо обязательно так хмыкать...»

Перебивая шелест волн, тарахтел мотор, встречный ветер относил звуки за корму, чтобы она услышала, пришлось наклониться к самому уху:

– Покажи, как управлять лодкой. Может, мне, когда вместо тебя придётся за рулём посидеть.

Тоня согласилась моментально, будто только этого и ждала.

Не прошло и пары минут, как Иван сменил её за мотором. Оказалось, ничего сложного. Почти как в машине: слушать двигатель, крепко держать румпель и сильно не разгоняться.

По бортам тянулась сосновая тайга, лишь кое-где разбавляемая кедровыми и еловыми вживлениями. Неглубокая прозрачная вода позволяла рассмотреть каменистое дно, на котором иногда попадались крупные камни. Иван с тревогой провожал их глазами. Ему дно по ходу не видно, лодка загораживает. Страшновато! Увернуться от такого невозможно, а что огромный валун может сотворить с тонким металлом лодки, лучше не думать. Правда, на носу Тоня обосновалась. Но она, по мнению Ивана, как-то несерьёзно себя вела. Вместо того, чтобы внимательно вглядываться в реку, вертела головой, иногда задумчиво улыбаясь. Похоже, она наслаждалась поездкой, совершенно не переживая за камни под днищем. Будь его воля, Иван бы распорядился наблюдать за дном самым тщательным образом. Хотя подспудно успокаивала мысль: женщина на реке с детства наверняка знает, что делает.

За поворотом почти на середине русла показался остров. Безлесый, зато травы по пояс.

– Это травяной плавучий остров, – Тоня повысила голос, перекрикивая мотор, – держись от него подальше, а то бороду на винт намотаешь.

Иван послушно отвернул ручку румпеля, и опасный остров отдалился от правого борта.

Вернув судно на прежний курс, Иван заметил, что Тоня с тревогой всматривается назад. «Что она там высматривает?» – Он тоже оглянулся.

– Что-то папа нас не догнал ещё, странно. Давай кружок сделаем.

Иван пожал плечом. Отчего бы и не сделать? С удовольствием ощущая, как легко руке поддается лодка, завернул руль покруче, и моторка идеально вписалась в разворот, покачиваясь на своих же волнах.

Из-за деревьев появился красный «Крым». Тоня облегченно улыбнулась. Лодка, выйдя на глиссаду, медленно приближалась. Всё-таки мотор у него помощней. «А это что такое?» – Улыбка женщины исчезла.

– Смотри, смотри. – Тоня дёрнула Ивана за рукав.

Он обернулся. У берега под тенью тальника, окунувшего в реку густые ветви, что-то шевелилось. То ли огромный поплавок, то ли... Отсюда не разглядишь.

– Правь туда, глянём, всё равно папе до нас ещё минут пять плыть.

Иван мысленно согласился, самому интересно.

Метров через десять оба одновременно разглядели голову лося, выглядывающую из воды у самой земли. Иван заглушил мотор, и лодка мягко ткнулась в глинистый берег чуть в стороне. Странно, но животное будто не замечало людей.

– Что это с ним?

– Сама не пойму. – Она привстала, махая отцу. – Папу подождём.

Красная лодка направилась к ним. У берега ветер почти не чувствовался, Иван, слегка продрогший на реке, понял, что согревается. Оба не отрываясь разглядывали застывшее по шею в воде животное.

Николай, заглушив движок на подходе, подрулил веслом:

– Ты смотри. Чего это он тут? – бывший лесник спросил сам себя.

Лодка закачалась рядом с головой зверя. Николай дёрнул сохатого за ухо, но тот даже не шевельнулся.

– Большой, что ли? – Иван наклонился назад, пытаясь разглядеть тело лося, погружённое в воду.

– Да он в сетях запутался. И, похоже, давно. Не жилец. – Николай деловито вытянул нож из ножен на поясе. – Ну что, дочка, придётся ему помочь.

– Придётся, – вздохнула Тоня.

Николай поднёс нож к горлу сохатого, и Иван спешно отвернулся. Не то чтобы он был уж очень чувствителен, но сцены убийства его никогда не вдохновляли.

Торопливо закрепили лодки на берегу. Тут тайга немного отступала, оставляя неширокий травянистый пляжик, метра на два. На него и вытянули тело животного. Со шкуры стекала вода, и глина берега под травяной подстилкой сразу поплыла. Ноги животного от копыт и до самых колен кровоточили, он так долго тёрся о сети, что кожа сошла почти полностью.

– Да. – Николай почесал затылок. – С такими ранами он бы далеко не ушёл. Хорошо, что нам повстречался. Мясо пригодится. И нам, и вам.

Иван обошёл сохатого. Он никогда не думал, что лось – такое огромное животное. Последние капли крови сочилась из перерезанного горла, на траве расплзлось чёрное пятно. Иван пригляделся: в ноздрах ползали белые личинки. Чувствуя, как проявляется тошнота в животе, он быстро отшатнулся.

– Смотри, что у него в носу.

– Это? – Тоня заглянула, куда указал геолог. – Личинки. Похоже, овода. Теперь понятно, зачем он в воду залез. Хотел нос почистить. А тут сети!

– И что, это мясо можно есть?

– А почему нет? – фыркнула Тоня. – Мы же не нос будем готовить.

Иван, лишь представив этот процесс, не удержавшись, скривился.

Николай усмехнулся, разрезая шкуру по брюху:

– Не хочешь, не ешь – нам больше достанется. Отличное мясо. Что ему будет? Личинки только в носу, это ж не глисты? Чё, с собой возьмете кусочек?

– Возьмём. Если он не будет, я съем. На костерке сготовить – вкуснятина, не то что ваши красноярские шашлыки на набережной. – Тоня, усмехаясь, присоединилась к отцу.

Вдвоём они за полчаса разделали тушу. Николай пару раз прерывался, с трудом разгибаясь. Отсидевшись пару минут на борту лодки, снова возвращался к работе. И только рука Тони с зажатым ножом сноровисто без перерывов мелькала над телом животного. Иван, стараясь не смотреть на кровавые лужи, скопившиеся под телом, старательно отворачивался.

Завернув большую часть мяса в шкуру, погрузили в лодку лесника. Кусок килограмма на три Тоня, упаковав в пакет, пристроила под сиденьем своей моторки.

Копать, конечно, выпало Ивану. Твёрдая земля поддавалась тяжело, и ему пришлось повозиться. Время утекало стремительно, и Иван с лёгкой тревогой поглядывал на хмурое небо. Наконец что-то, похожее на углубление, исковеркало крохотный пяточок берега. Остановившись запыхавшегося Поддубного, Николай махнул рукой: «Пойдёт». Внутренности животного столкали в приготовленную яму. Поддубный, стараясь не смотреть на кровавые ошмётки, навалил земли. Сверху прикатали пару крупных валунов, выловленных из реки. Остатки сетей, повисшие на ветках склонившегося тальника и скрывавшиеся под водой, вырезали под ноль, закидав в лодку лесника. Николай прокомментировал:

– Чтоб ни птичка, ни рыбка не запутались.

Пока ковырялись, усилился ветер, теперь по реке бежали хмурые волны, украшенные барашками. На часах четыре. Скоро и темнеть начнёт. «Интересно, где ночевать будем?» Иван постеснялся задать вопрос вслух. Судя по уверенным выражениям лиц родственников, они знали где.

Закончив с делами, бывший лесник объявил, что дальше с ними не пойдёт.

– Надо мясо домой отвезти, чтобы не задохнулось. До Таимбы отсюда около десяти вёрст, и на «Ветерке» доберётесь.

Пока Тоня перекладывала сумки в лодке, стараясь более равномерно распределить груз, всё-таки «Ветерок» гораздо слабее «Вихря», Николай с Иваном поменяли моторы местами.

– Да, он послабее будет, – согласился Николай. – Зато сапог у него короче. Для Таимбы в самый раз.

Забираясь в моторку, бывший лесник ненадолго замер, придерживая поясницу.

– Что, пап, болит? – Тоня обернулась к отцу.

Он кряхтя перекинул ноги через борт.

– До дома доберусь. Ладно, плывите с богом. И осторожней там, на Таимбе. Мелко там. Через пяток километров вверх по реке будет первая изба. Ночуйте в ней, а то рано темнеть начинается, не стоит пузо рвать, чтоб потом по темноте шарахаться. Ну и помните про проклятое зимовье, если попадете в него, обязательно кусочек сала в печке сожгите, надо задобрить лесных духов.

– Пап, ты такой суеверный.

– Поживёшь с моё в тайге, станешь суеверным. Ладно, не задерживайтесь там. Через десять дней, максимум через две недели, как договорились, ждём обратно.

И снова красная лодка закачалась на упругой волне Тунгуски. Николай завёл мотор и, махнув на прощание рукой, вошёл в крутой поворот.

Иван неловко, осторожничая, забрался в моторку. Лодка чуть присела. Сторожась, он ухватился за края, стараясь не шевелиться лишний раз. Тоня, придерживаясь за борт, заняла кормовую рынду. Что-то подкачала на движке. Иван, нарочито хмуясь, предложил поменяться местами. Тоня, чуть улыбнувшись, молчком перебралась на нос.

Ветер шумел в ушах, движок тархтел хоть и не так громко, как Вихрь, но тоже не поговоришь на ходу. Лодка шла заметно медленнее, но и спешить, как понял Иван, им особо некуда. Что такое десяток километров здесь да пяток по Таимбе – ерунда.

Так и вышло – до устья лесной речушки добежали меньше чем за час.

Глава 3

Берег Тунгуски зеленел высокой сочной осокой. Сбавив скорость, Иван медленно завёл лодку в речку, и тут же ему захотелось матерно выругаться: метрах в сорока от впадения в Тунгуску течение преграждал залом. Несколько стволов, заплетаясь мшистыми ветками, перекрыли проход. Заглушив двигатель, Иван направил лодку к берегу, одновременно вопросительно глянув на Тоню, признавая её опытность.

– Не повезло. – Тоня привсталала, собираясь выскочить на землю. – В этих местах в конце лета никто не ходит. А так бы давно разобрали.

К счастью, тонкоствольные лиственницы вперемежку с редкими желтеющими берёзками здесь отступали от реки. Берег, заросший травой в человеческий рост, через пару шагов резко поднимался, образуя обвалившийся песчаный склон. И здесь не славу богу. В лес просто так не попадёшь, придётся карабкаться. Лодка, шурша осокой, мягко прижалась к земле.

Тоня, прыгнув, подтянула посудину за нос. Иван, выбравшись следом, помог. Подхватив верёвку, в один приём завернул её за тонкий комель тонкоствольной берёзки. Девушка глянула на него одобрительно:

– Доставай топор, рубить пойдём.

Топор нашёлся в коробке с инструментом.

На берегу притоптали высокую траву. Постояли, раздумывая. Тоня молчала. Похоже, решила предоставить право решать мужчине. Во всяком случае, Иван понял её именно так. Коротко глянув на женщину, Иван быстро разделся до трусов. Стесняясь своего мягкого, даже немного рыхлого тела, неловко переступил с ноги на ногу. Ничего не поделаешь, современная геология это уже давно не походы по горным тропам и медвежьим углам, а обычная работа с документами в конторе. Даже татами забросил в последние годы. Все времени нехватка. Хотя что перед собой лукавить, просто лень победила.

Тоня окинула коротким взглядом расплывшуюся фигуру Ивана и чуть не фыркнула. Ну, совсем не в её вкусе. Но вслух, конечно, сказала другое:

– Правильно, можешь и трусы снять, а то потом где сушить?

Он не сразу понял, что она шутит. И вид имел в этот момент наверняка ошарашенный. Выждав паузу, она тихонько захихикала.

– Да ну тебя. – Иван слегка обиделся.

Поёживаясь, он сполз в реку.

У затора они провозились больше часа. Вода ледяная, ноги сводило уже после пяти минут работы. Хорошо, хоть не глубоко, немногим выше коленей у берега и по грудь на середине. Тяжёлые намокшие стволы поддавались с трудом. Тоня на берегу принимала бревна, оттаскивая в сторону. Пару раз, расцепляя ветки, он ухнул по шее. Пришлось тут же выбираться на берег и там у костерка, разведённого Тоней, отогреться. Хотя бы частично. Оба беспокойно поглядывали на закатывающееся солнце. Сумерки вальяжно опускались на притихшую тайгу, и Иван невольно начинал торопиться. Когда уже показалось, что всё, проход готов, скользкий топор подло выскочил из ладони. Булькнула вода, и он пропал во взбаламученном облаке. Тоня только руками всплеснула. Виновато глянув на проводника, Иван набрал полную грудь воздуха. Ещё минут пять искал инструмент. Вылез, стуча зубами, покрытый пупырышками с пяток до головы.

Тоня подкинула пару веток в костёр, и огонь затрещал веселее.

Пристроившись на корточках у огня, Иван долго не мог согреться. Темень навалилась неожиданно. Короткий северный день сдался без предупреждения, и в небольших небесных окнах выглянули редкие звёздочки. Вздохнув, Тоня вытянула из сумки спальник:

– Ночуем здесь, по темноте не пойдём.

– А почему? – Иван уже реже стучал зубами, огонь потихоньку отогревал.

– Опасно. Можно на корягу наткнуться, лодку потерять хочешь? – дождавшись отрицательного движения головы, она подтянула ружьё поближе. – Доставай свой спальник и сразу залезай. Я подежурю пока.

И не подумав спорить, Иван с трудом распрямился.

Мясо, запаковав в плотный пакет, Тоня опустила в воду. Заметив вопросительный взгляд Поддубного, прокомментировала: «В холодной воде не испортится».

– А что, ужинать не будем?

Тоня отозвалась, поправляя молнию спального мешка:

– Если невтерпёж, там, в сумке, возьми чего-нибудь. Хлеба с колбасой. Я не хочу.

После купания в ледяной воде есть хотелось, будто неделю голодом морили, и Поддубный думал недолго. Отломив здоровенный кусок хлеба и откромсав колбасы, уже жуя, залез в уютное нутро спальника. Поёрзав, устроился поудобней. Небо, большей частью затянутое тучами, ощутимо тяжёлое, недружелюбно придавливало кроны деревьев, словно хулиган, прижимающий коленом побитого им младшеклассника. Ветерок, шелестя, гулял в траве. Иван закрыл глаза.

Ещё в сумерках, услышав шуршание и почуяв запах дыма, он проснулся. На удивление, ночь прошла спокойно. Никто его не тормошил, пробудился сам от знакомых звуков. По соседству кто-то шумел целлофановым пакетом. Не открывая глаз, он втянул ноздрями приятный запах: «Ага, шашлычок!» Улыбнувшись, приподнялся на локте, с недоумением разглядывая зажатый в кулаке хлеб с колбасой, облепленный муравьями. Похоже, он уснул, не доев. Сдунув насекомых, запихал бутерброд в рот.

Ветер озорно трепал дымные потёки, поднимающиеся от углей догорающего костра. По его краям Тоня уложила два брёвнышка, и между ними над жаром шипели крупные куски мяса, проткнутые заострёнными прутьями.

– Вставай уже, завтрак готов.

Иван поспешил подняться. Быстро умывшись и сбегав в лес, для чего пришлось вскарабкаться на отвесный берег, присел напротив Тони. Как же умопомрачительно пахло! Чуть ли не урча от голода, Иван свирепым волком впился в кусок мяса. О своих вчерашних сомнениях по поводу лосиной туши он даже и не вспомнил. Уж на что, на что, а на аппетит в тайге жаловаться не приходится. В этом он убедился давно, ещё во время тунгусского похода на плоту.

Завтракали спешно. Не совсем понятно почему, но оба торопились. Наверное, эта неожиданная задержка, нарушившая планы, невольно подгоняла обоих. Перед отъездом Тоня срубила молодую берёзку. Обрубив ветки, кинула двухметровый шест в лодку:

– Пригодится.

Таимба мелела с каждой сотней преодоленных метров. Нависавшие с обоих берегов ветки тальника постепенно сузили проход метров до четырёх. Лодка двигалась на самых малых оборотах. Тоня, выгнавшая Ивана с кормы, иногда глушила мотор, поднимая сапог над транцем, и тогда Иван брался за шест. Илистое дно легко пропускало его на полметра, а уже потом конец палки упирался во что-то твёрдое.

– Камень? – поинтересовался Иван.

– Лёд. Вечная мерзлота.

Между кустами берег Тунгуски укрывала высоченная трава. Купаясь в журчащей воде, тальниковые заросли загустели, вытянулись, ещё больше сужая фарватер. Лодка уже буквально плелась, толкаемая шестом. Иван начал уставать. И где же эта избушка? Он вопросительно глянул на Тоню.

Женщина поняла его без слов:

– Садись к мотору, газ на минимум. Я с веслом на носу посмотрю. Как только махну, поднимай. Тут топляки торчат, главное, их не цапануть. Тише едешь – дальше будешь.

Поменявшись местами, напряжённо замерли. Крепко сжимая весло, Тоня внимательно просматривала дно. На малых оборотах казалось, будто лодка стоит на месте, и, только если вглядываться в проплывающие заросли, становилось понятно, что она идёт тихо и равномерно. Ветки тальника противно скрипели, протирая алюминиевые борта.

Минут через десять проводник радостно обернулась:

– Вижу тропу к избе, сейчас просвет будет. В этом месте тальник не растёт. По весне, когда тут куча рыбаков останавливается с ночевкой или так, чайку попить, корни лодочным днищем вышаркиваются. Я так думаю.

Иван, вытянув шею, пытался тоже разглядеть тропу. Но, сидя на корме за румпелем мотора, что-то увидеть не получалось. Заросли и заросли. Удерживая равновесие на носу, Тоня веслом расталкивала ветки, которые так и лезли в моторку, пытаясь преградить им путь.

– Давай немного правее, ещё, ещё. Глуши!

Правая стена из кустов внезапно закончилась, а за ней показался небольшой заливчик. Иван чуть довернул руль, и лодка медленно воткнулась в илистый берег.

Тоня, ловко спрыгнув на берег, подтянула лодку. Иван, по заведённому порядку, выскочив следом, помог. Перехватив верёвку, потянул посудину к дереву.

– Берем всё необходимое – и пошли, остальное бельтингом⁴ обернём, тут не близко топтать. Нет желания таскать туда-сюда всё это хозяйство. Когда тут весной много воды, на лодке чуть ли не в избу заезжаешь, а когда мелко, как вот сейчас, топтать и топтать.

– Предельно ясно. А с мотором что? Вдруг дождь пойдёт, его не зальёт? Может, задрать его, как Николай Алексеевич на своей лодке делал?

– Ну, мотор накроем колпаком, он в носу лодки лежит, а то, что его надо поднять, это правильно. Смотри, уже думать начал. – Она окинула его насмешливым взглядом, и Иван снова надулся.

Ну что за женщина, ни слова без ухмылки! В этот момент он уже пожалел, что согласился идти с ней.

Но надолго его обиды не хватило. Иван вообще считал себя парнем добрым и отходчивым. И не без оснований. Тем более здесь, в тайге, где за десятки километров кроме них живых людей нет, не до претензий. Пока вытягивал колпак, укрывал мотор, как-то и забыл про её усмешки.

До избы и вправду оказалось далече. Да всё в подъём. Годами натопанная глинистая дорожка то и дело виляла, по бокам тянулись густые кусты тальника. Ветви забиты речным мусором из смеси старой травы, листвы, мелких веточек. Стоило только задеть, как с них летела пыль, от которой хотелось чихать. Иван догадался, что это остатки хлама, принесённого водой после весеннего половодья. Метров через триста подъём пошёл круче, и на тропе появились деревянные полуразвалившиеся ступеньки. Тем не менее свою функцию они выполняли успешно.

Минут через пять взору открылась полянка, у её дальнего края к высоким деревьям приоткрылась охотничья избушка. Перед ней место для кострища, аккуратно обложено камнем. Тут же широкий дощатый стол, две лавки по краям, в сторонке повалены пара чурок, которые, похоже, вместо табуреток используют, может, косяк шалил. Метровой ширины навес над входом защищал поленницу, выложенную ровным рядом.

Внутри избы было темновато, маленькое, давно не мытое оконце в задней стене почти не давало света. Под окном, прикрученный к стене, темнел одноногий стол, как в плакате поезда. Довершая сходство, слева и справа от него расположились два спальных места, сбитые из досок. Слева, у входной двери пристроилась маленькая буржуйка, изрядно проржавевшая от времени.

---

⁴ Укрывающий материал.

Тоня кинула вещи на настил:

– Кушаем, пьем чай и отдыхать. Раньше ляжем, соответственно раньше встанем. Надо одно местечко по морозцу проскочить, утром сам поймешь, почему.

«И всё на этом. Думай, мол, Иван, сам. Ей, видите ли, недосуг объяснять. Ну ладно, я припомню», – Иван незаметно для себя нахохлился обиженным воробьем.

Весь вечер так и провели молчком. Иван, несмотря на далеко не юношеский возраст и вроде бы немалый опыт общения с противоположным полом, никак не мог придумать темы для разговора. Он вообще с трудом начинал беседы с девушками. К тому же в голове гудело, с непривычки казалось, что мотор продолжает реветь, хоть и тише. Тоня, задумавшись о чём-то, тоже не стремилась начинать общение. Может, о дочке думала, может, о родителях. Измучившись в бесплотных попытках поговорить, Иван с облегчением дождался момента, когда можно было забираться в спальники. Заснул быстро, и гул мотора в голове не помешал.

Глава 4

Глаза открыли почти одновременно. В лесу ни к чему будильники, только лучи солнца начинают разгонять тьму, а ночи в августе непроглядные, вся живность просыпается. Большинство лесного народца выбираются на божий свет тишком, опасаясь лап и зубов хищников, только пернатые жители тайги голосят бесстрашно, словно устраивая концерт, приуроченный к появлению первого просвета над деревьями. А чего им бояться? Попробуй найди такого голосистого в густой листве прибрежных кустов или под хвойной лапой. Вот и заполняется предрассветная тайга самыми разными птичьими звуками. Поскрипывают или плачут гулкие кедровки, попискивают скрытные выюрки, прыгая с ветки на ветку, звонко раскукуется кукушка, отсчитывая года неведомому слушателю, или разойдётся почти по-соловьиному овсянка. И почти все трещат с самого ранья.

– Доброе утро! – Обхватив себя руками, Иван растирал быстрыми движениями плечи.

– Утро доброе! Замёрз? Который час? – Голос у Тони сонный, но смотрит уверенно.

– Ну так, относительно. Ночью жарко было, а к утру похолодало. – Он глянул на наручные часы. – Половина пятого. Чай будешь?

– Не откажусь.

– Пойду костёр разведу.

– Отлично. Я сейчас встану. – Тоня неспешно выбралась из спального мешка. – Давай сразу все соберём, чтоб в избу не возвращаться. И надо посмотреть, есть ли тут тетрадь для записей посещений.

– Как это?

– А вон она, на стене висит позади тебя.

Сняв с гвоздя серую порядком замусоленную тетрадь, Иван бегло пролистал.

– Предельно ясно. Тут указывают дату, когда кто заходил, и пожелания хозяину избы, не понятно зачем.

– Так заведено. Как бы оставляешь след, что ты тут был, на всякий случай. Поблагодарить тоже можно, не было б избы, в палатке ночевать пришлось бы. Как твоя фамилия, кстати? Хотя ладно, моей достаточно.

Иван еле сдержался, чтобы не возмутиться: «Ну, какая нахалка! Достаточно ей. Вообще-то это мой поход, я организовал, я уговорил. Не соберись за алмазами, весь отпуск прорыбачила бы на берегу Тунгуски. И не было бы её в этой избушке».

Тоня, бесцеремонно выхватив у растерявшегося парня тетрадь, поискала на стене ручку. Нашлась и ручка, привязанная верёвочкой к гвоздику. Со стороны хозяев предусмотрительно, вряд ли рыбак или охотник будет с собой пишущий инструмент таскать. Нацарапав пару строчек, Тоня повесила тетрадь на место.

– Ну что стоишь, собираться давай! – Она ухватила свой рюкзак, растягивая завязку.

Иван, осуждающе качнув головой: «Опять раскомандовалась», – разложил спальник, так удобнее сворачивать.

Собрались быстро, вчера почти ничего и не распаковывали. Окинув взглядом каждый свою сторону от стола, проверяя, не оставили ли чего, пригибаясь в низком проёме, выбрались на улицу. Ночной морозец покрыл рассыпавшуюся ковром хвою, редкую здесь, траву под деревьями плотной изморозью. Иван, поёживаясь, утопал собирать сушняк. Вызвался чаёвничать, надо соответствовать. Мужик он или не мужик! Ну и что, что она проводник, и вроде в её обязанностях готовка. От друзей-походников слышал: в тайге начальства нет, все равны. Может он что-то полезное сделать, значит, надо делать, а не ждать, когда кто-то другой надумает. Похоже, Тоня понимала ситуацию так же, во всяком случае, место у костра уступила охотно.

Собранные ветки покромсал помельче. Знал, на щепе котелок закипает быстрее, чем на крупных дровах, этому Ивана отец ещё в детстве научил, когда вместе выбирались на рыбалку. Да и затушить такой костерок легче, залил водой – и точно не разгорится. Тоня, достав сверток с бутербродами, завернутыми в фольгу, деловито одной рукой подняла валявшийся со вчерашнего дня чурбак.

– Давай бутерброды на угольки положим, чтоб подогреть, тёплые вкуснее.

– Давай, – пожал плечом Иван.

Небо, проглядывавшее среди сосновых верхушек в противоположной от реки стороне, понемногу выкрашивалось в красные тона. Было зябко, от прогоревшего костра тянуло теплом, и оба нависли над углями, согреваясь. Насыпав заварки в закипевший чайник, Иван утвердил его на чурбаке. Кивнул Тоне.

Они уселись за огромный уличный стол. Чай, исходящий паром в кружках, пах почему-то хвоей и утренней сыростью. Почти одновременно впились зубами в нежную мякоть хлеба и колбасы. Горячие бутерброды показались Ивану на редкость вкусными. Пережёвывая крупный кусок, Тоня вытянула из внутреннего кармана «энцефалитки»⁵ целлофановый пакет. Аккуратно развернула, и на стол лёг вырванный тетрадный листок.

– Это наша с тобой карта, – пояснила она. – У папки утром срисовала. Хотела его карту взять, но она уже совсем рассыпается от старости. Давай начнём с того, до какого места ты хочешь подняться вверх по реке и какие именно работы собираешься проводить. Исходя из этого накидаем план маршрута.

Не выпуская кружку и бутерброд из рук, Иван пересел поближе. Пару минут изучал карту:

– Ну, вообще-то мне хочется добраться для начала до заводика. Его, смотрю, на карте нет.

– Точно, нет его здесь. Отец предполагает, что он в самых верховьях. Туда он не ходил, да и наши ошаровцы не забираются так далеко, как правило.

– Это я уже понял. Тогда пойдём как можно выше, насколько сил хватит, ну и река позволит. Первым делом надо найти заводик. От него и будем плясать. Наверняка выработки какие-то сохранились. Надо посмотреть. В любом случае там шурфы буду бить. Через определенные расстояния. Если получится, похожу и по сторонам от речки. В общем, как пойдёт. Думаю, там же, где буду копать, и складирую образцы грунта из переходных горизонтов. Пусть полежат, а на обратном пути всё и подберём. Что с собой землю таскать? А это что тут на карте за восьмёрка? – Иван ткнул пальцем в листок.

– А, это наша первая преграда на пути. Точнее, вторая, если вчерашний залом вспоминать. Начинается прямо от места, где мы лодку оставили. В половодье тут всё затапливает и можно проплыть напрямую, это примерно пятьсот метров. Но сейчас воды мало, сам видел, поэтому нас ждёт трёхкилометровый знак бесконечности по берегу. Здесь, в петле, на лодке не пройти, мелко. Камней полно, можно дно порвать. Что я предлагаю. Смотри. Мы спускаемся к моторке, грузимся и волоком протаскиваем её по прямой. Пока изморозь, надо успеть, по ней быстрее и легче. Знаю, так многие раньше делали, поэтому место накатано и завалов быть не должно. Дальше пойдём на моторе.

Иван задумчиво покивал:

– Тебе видней. А как необычно изогнулась! Прямо аномалия. Понимаю, если б такой зигзаг в верховьях встречался, но тут, практически перед впадением в Тунгуску! Чудеса!

– Ничего чудесного. – Тоня свернула листок. – В верховьях перепады больше, таких зигзагов, как ты сказал, у речки не получается. А здесь низина, вот и наворачивает.

---

⁵ Куртка от энцефалитного костюма – экспедиционная одежда из ткани наподобие тонкого брезента. Куртка без застежки и с капюшоном, рукава на резинках, чтобы комары не кусали и не заползали клещи.

Рядом на дереве неожиданно застучал дятел, и Иван вздрогнул. И тут же устыдился реакции. «Что это я? Нервы вроде в порядке, неужто, напряжение предстоящих поисков накатило? Всё-таки дело затеял опасное, не дай бог, кто пронюхает. Хоть и тайга вокруг, но не безлюдная же. – Он незаметно оглянулся. – Вроде тихо, а почему-то беспокойно. В такой глуши и до криминала недалеко. От них, посторонних людей, конечно. – Себя в такой роли Иван решительно не представлял. – В крайнем случае скажу, что на экскурсию приехал – и сразу домой! И вообще, предельно ясно, что осторожность будет здесь не лишней. На алмазы завсегда желающие найдутся, даже если эти желающие раньше ни в каких преступлениях не марались. Это как золотая лихорадка, никогда не знаешь, как человек отреагирует».

Подозрительно покосившись на беспечного проводника, спешно дожевал бутерброд. Тоня вроде не заметила, и он выдохнул облегчённо.

Где-то далеко затянула кукушка, затеяв пересчёт годков. Да много намерила! Снизу от реки, на полянку выползало облако тумана.

Иван решил сменить тему. Придав голосу беззаботности, поинтересовался:

– А где эта зловещая изба, про которую говорил Николай Алексеевич?

Закинув в рот последний кусочек, Тоня поднялась:

– Давай по дороге расскажу, а находится во... от тут. – Она снова развернула карту, найдя пальцем крохотный треугольничек. – У горы. Об этом месте много нехороших слухов ходит, поглядим, может, мимо проскочим. Ну её, нечистую, к ляду. Тут недалече ещё одна избушка есть. – Тоня ткнула ненакрашенным ногтём в треугольник выше по течению. – Ладно, надо поторапливаться, если не хотим в грязи лодку толкать.

Свернув листок, засунула в пакет, и тот исчез в нагрудном кармане.

Набирающий прозрачности туман ещё висел над речкой. Сырость обсыпалась с веток тальника, сапоги, утопающие во влажной изморози, сразу же промокли. Торопясь, покидали вещи на дно. Пару минут – и лодка готова к путешествию. Недоверчиво поглядывая на Тоню, геолог уцепился за правый борт. Неужто у них получится? Груз-то не лёгенький. Тут мужиков человека четыре надо, а они вдвоём. Но сомнения решил оставить при себе. Очень уж уверенно вела себя Тоня.

Перекинув через голову ремень ружья, женщина ухватила с другой стороны. Напряглись, и разом, по её команде, толкнули. На удивление, моторка с трудом, но сдвинулась. Прощлёпав по мелководью, вытянули лодку на землю. Зашуршала трава под днищем. Тяжело, но и тут пошла, родимая. А как попала на изморозь, заскользила легче. В этот момент Иван перестал сомневаться: дотащат.

Метров через двести снова выбрались к реке. По каменистому дну перебравшись через тихое течение, вытянули лодку на берег. Выпрямились, поправляя куртки. Иван вытер пот со лба, подышал глубоко, успокаивая сердце. С непривычки тяжело. А Тоне хоть бы хны, только щёки покраснелись.

– Первый виток преодолели, чуть-чуть осталось. – Тоня молча кивнула, приглашая напарника занять своё место. – Раз, два, пошёл! – лодка снова заскользила по постепенно «усыхающей» изморози. – Второй перешеек будет подлиннее, но там травы гуще, легче пойдёт. Да, ты спрашивал про избу, что у горы, – вспомнила она. – Изба эта необычная. Тут странность в том, что никто не знает, кто её хозяин. У нас тут каждая изба кому-то да принадлежит, а эта... – Она замолчала, разглядывая лежачий топляк, вероятно принесённый весенними водами. – Видать, не всё расчистили наши. Или недавно прибило.

Иван тоже замер, выглядывая сбоку от лодки:

– Лесной лежачий полицейский, вернее речной. Попробую развернуть его, а ты рассказывай дальше.

Тоня уселась на нос лодки отдуваясь. Иван мысленно ухмыльнулся: «И ты устаёшь! – И тут же справедливости ради про себя добавил: – Но я больше».

– Ну вот, как я уже говорила, она никому не принадлежит, а в ней порядок, будто кто-то живёт. Дровишки напилены, керосин для лампы всегда есть. Кто там бывал, говорят, будто на подходе даже дымок из трубы виднеется. Зайдёшь, а буржуйка холодная. Чудеса, да и только. И якобы одинокие путники в ней пропадают без вести. Вроде случаи такие были. Их искали, но кроме записи в тетрадке ничего и никого не находили.

– Ну а тетрадь кто завёл? – Иван потянул за край пропитавшегося влагой бревна, топ-ляк неохотно заворочался. Парень поддал, поднимая короткое бревно на «попа», и «лежачий полицейский» сдался.

– Бог его знает кто, пойдёшь – найди сейчас. Есть местное поверье: чтобы в избе тебя не обидели и переночевать позволили, надо для лесного духа сжечь в буржуйке кусочек масла или сала, ну и не забыть попросить приютить. Вот папа и напомнил, чтоб не забыли, если, не дай бог, остановиться придётся. А вообще есть у меня друг один, Андрюха Востриков, так вот он рассказывал, что, когда они тут рыбачили с братом Петрухой, им пришлось в этой избушке ночевать. Потому что другие были заняты. Так ему всю ночь будто кто-то шептал на ухо. Что именно, он не разобрал, но было жутко. – Тоня спрыгнула с лодки. – Ну что, взялись?

Дождавшись, когда Иван ухватится на своей стороне, проводник скомандовала «двинули», и они потолкали дальше.

Наконец впереди, сквозь раздавшиеся кусты проглянул нужный берег. Несмотря на то что по густой траве лодка тянулась легко, запыхались оба. Иван так вообще дышал как паровоз, иногда сплёвывая тягучую слюну. Но старался вида не подавать. Тоня тоже терпела.

Утро уже разгорелось, изморось на траве стала прозрачной, как тонкое чистое стекло, а кое-где растаяла вовсе. Прохладный ветерок обдавал разгорячённые лица. Иван ещё на полпути растегнул бушлат, но сейчас пару верхних пуговиц запахал в петельки. Не хватало ещё простыть в тайге. Лечиться придётся самостоятельно, лекарства какие-то есть, он видел, когда укладывали, но самое главное – время потеряет. И так его с каждым днём всё меньше и меньше, а когда до заводика доберутся, пока непонятно.

Здесь река раздавалась вширь, и течение заметно притихло. Иван уже привычным движением навесил мотор. Не мешкая запрыгнули в лодку. Тоня попыталась завести от кнопки, но моторчик, неожиданно пофырвав, замолк окончательно. Она растерянно обернулась:

– Не помнишь, куда мы положили моток бечёвки? Придется дёргать вручную. – Не дождавшись от напарника ответа, полезла искать в носовой части. – А, вот она...

Отмерив нужную длину, завязала на конце крепкий узел. Иван перехватил ножом в указанном месте.

– Шкемарь готов! Иди заводи, у тебя сил побольше будет.

Иван послушно перелез на корму.

Выслушав советы проводника, намотал верёвку на стартер. Мысленно попросив у господа помощи, резко дёрнул, и мотор, поквохчав, словно недовольная курица, ритмично зажурчал.

– Ну, слава богу. – Тоня повысила голос, чтобы перекрыть мотор. – Отталкивайся.

Иван ухватил шест, и травянистый берег медленно отполз от кормы. Оглянувшись на молчаливого проводника, он занял место за мотором. Река потянулась тёмная, метров десять в поперечнике, и дна не видно, из чего геолог заключил, что глубины достаточно для «сапога». Да и Тоня не выказывала беспокойства. Расположившись на лавке, или банке, как называют её моряки, она беспечно поглядывала по сторонам. Он прибавил газу, и лодка почти тут же вышла на редан⁶.

---

⁶ Редан – своеобразный выступ, который устанавливается на днище глиссирующих катеров. Различаются они по форме и расположению – поперечные и продольные. Основное назначение редана – снижение подсасывающего действия воды при разгоне лодки.

Глава 5

Густой тальник по берегам местами полностью скрывал пологие горки красноватого оттенка, высотой метра по три-четыре. Со склонов в воду стекали оползни, окрашивая мелководье у берега в мутно-бордовые тона. Шли на моторе, Тоня на румпель его не пускала, и Иван откровенно наслаждался, поглядывая по сторонам. Вскоре горки сменили поднявшиеся по обеим сторонам высокие берега, утопающие в густых травах, за ними вдали виднелась нависающая над зарослями густая желто-зелёная полоса тайги. Семейство уток гордо проплыло навстречу, и подросшие птенцы весело закачались на волнах, оставленных лодкой.

– Иван, смотри. – Тоня указывала на высоченную гору, показавшуюся из-за верхушек деревьев за поворотом. – Это она ещё не вся. Через пару зигзагов до неё доберёмся, за ней как раз эта странная изба, про которую недавно говорили. Мы с тобой нормально по времени укладываемся, так что не будем рисковать, остановимся в следующей.

Каменистое основание горы сползало в реку, а от её высоты кружилась голова. Голый склон, обращённый к воде, поднимался под крутым углом, и Поддубный подумал, что здесь даже с альпинистским снаряжением не забраться, слишком уж осыпей много. Другие бока горы зеленели хвойником. Если появится такое желание, то через лес подобраться к вершине наверняка получится. Но помучаться всё одно придётся изрядно. Уж очень крута! Он пригляделся. На каменистой макушке торчали зубцы скальника, напоминающие корону. Даже фантазию включать не надо, корона почти один в один, как в кино показывают. До чего же здорово! Иван восхищённо мотнул головой:

– В жизни не видал такой красоты! Хотя если кому-то рассказать, то и не поймёт, что это такое! А вот своими глазами – да! Обалдеть! Надо будет тут пробы взять обязательно. На обратном пути. Место перспективное.

Тоня, соглашаясь, улыбнулась:

– У нас тут вообще необыкновенный край. Как-нибудь расскажу.

К воде склонялись ветки прибрежных деревьев, иногда из воды выглядывали скользкие от тины коряги. Ещё один затор, преградивший путь, через километр удалось растолкать, не вылезая из лодки. Правда, упились оба. Опасное место прошли с шестом, и только метров через пять от утонувших стволов, когда берега начали опускаться, подпустив тайгу почти к самой воде, Тоня рискнула снова опустить сапог мотора в воду.

Берега зеленели осокой и белокопытником. С ботаникой у Поддубного было нормально всегда, к тому же, готовясь к поездке, он, насколько мог, изучил дикую флору и фауну этих мест. Когда он правильно назвал траву на берегу, Тоня глянула на него с уважением. Пожалуй, первый раз за всё время.

Минут через пять неспешного плавания берег по правой стороне снова начал подниматься, каменистый склон ушёл вверх метра на четыре, а потом и ещё выше. Деревья, казалось, разом выросли и теперь нависали над головами, словно сказочные добрые великаны. Болотистый ручеек, впадавший по овражку в Таимбу, был плотно утоптан звериными следами.

– Олени, – прокомментировала Тоня.

Речка круто завернула, и за поворотом на берегу выросла каменная скала, похожая на зуб древнего хищника. Осыпь, сползшая со скалы, почти наполовину завалила русло реки, и вода в этом месте пробила путь частично через лес. Пожухлые лиственницы, залитые водой, облетели и покосились.

Иван расстроено причмокнул. И потянулся за шестом.

– Не получится, – остановила его Тоня. – Глуши мотор. На полной лодке через каргу⁷ не пройдем. Придется разгружать. Привяжи.

Иван выскочил из моторки, приткнувшейся к каменистой осыпи, уже с верёвкой в руках.

Противоположный берег топкий, там болотина, обход только один – вокруг «зуба». Делать нечего, загрузились под завязку, Тоня тоже не стала отлынивать. Тяжёлую сумку повесила на сгиб локтя, за плечом карабин. Иван, чувствуя неловкость, – всё-таки тащить женщине такой вес, что не каждый мужик осилит, как-то некрасиво, попробовал уговорить подождать его в лодке. Тоня молча показала на ружьё, а палец обвёл угрюмую тайгу вокруг:

– А если медведь, что будешь делать?

Иван, соглашаясь с доводом проводника, развёл руками.

Карабкаться на каменистые склоны – ещё то удовольствие! Ступни скользили, рюкзак давил неподъёмным грузом, руки оттягивались мешком с инструментами. Всё-таки зря он набрал так много. Рассчитывал за один раз большую часть перенести. Ох, зря. Ну что делать, нагрузился, теперь тяни. Иван сжимал зубы, стараясь не обращать внимания на, казалось, растягивающиеся, словно резиновые, связки. Впереди, не забывая оглядываться на геолога, будто проверяя, не отстаёт ли, легко шагала Тоня.

Из последних сил Иван забрался на спину скалы. Остановились, осматриваясь. Точнее, Тоня осматривалась, а Иван, уперев руки в колени, дышал, как загнанная лошадь.

Внизу тянулась, покуда хватало глаз, как поётся в песне, жёлто-зелёное море тайги. Выглянувшее ненадолго солнце осветило верхушки деревьев, и они заблистали серебром и малахитом. Неожиданно Тоня перекинула ружье стволом вперёд. Иван задержал дыхание, выпрямляясь. На немой вопрос она указала подбородком куда-то вглубь лежащего под ногами леса. Сразу он ничего не увидел, сосновый бор, густой, заваленный подгнившими стволами, наверное, непролазный, по краям малинник. Он приблизился к Тоне, собираясь спросить её шёпотом. Но не успел. Проводница запрыгала, крича и притопывая. Отшатнувшись, Иван с невольным страхом оглянулся. На его глазах из завала медленно выросла туша огромного, во всяком случае, так ему показалось, медведя. Косолапый, с лёгким удивлением склонив голову набок, рассматривал их.

– Кричи, – зачем-то шепнула Тоня и снова запрыгала, вопя во всю силу лёгких.

Иван поддержал её громким сипом. Неожиданно пропал голос.

Хозяину Эвенкийской тайги это представление не понравилось. Он недовольно рыкнул. Опустившись на четыре лапы, оглянулся, словно раздумывая, а не съесть ли мне эту мелочь шумливую, и... размашисто запрыгал в глубь бора. Через несколько секунд и ветки перестали раскачиваться.

Несколько минут люди стояли, внимательно всматриваясь в завалы тайги. Вдруг он надумает вернуться? Постепенно восстановилось сбитое подъёмом дыхание. Тишина заполнила таёжное пространство. Ни звона, ни скрипа. Даже комары, испуганные ночными заморозками, не показывались на глаза. Похоже, косолапый не счёл необходимым связываться с двуногими.

– Ух, – выдохнула Тоня, с нервной улыбкой поворачиваясь к Ивану. – Ну, ты как?

Иван, чувствуя, как дрожат коленки, то ли от усталости, то ли от пережитого страха, криво улыбнулся:

– Жить буду.

– Тогда пошли.

Спускаться тоже непросто: каменные завалы надо перешагивать, широко расставляя ноги, или перебираться, наступая на булыжники, которые могли в любой момент «ожить» под ступнёй. Подошвы сапог скользили по мелкой каменистой крошке. Чудом не навернувшись в

---

⁷ Каменистая осыпь (местное).

курумнике⁸, Иван вслед за проводницей сбежал вниз. Тут плотно поднимались мшистые листовенницы, а к берегу вела слабо протоптанная тропа.

– Кто же здесь ходит?

– Звери, – не оборачиваясь объяснила Тоня.

Холодок, так и не исчезнувший из груди после появления медведя, снова сгустился под сердцем. Он ускорил шаг, приблизившись к Тоне почти вплотную. Впрочем, не настолько, чтобы она что-то заподозрила. Ещё насмешек её не хватало.

В следующую ходку перетаскивали рюкзаки и последнюю сумку с продуктами. На этот раз переход обошёлся без приключений.

Оставив вещи за осыпью, вдвоём налегке вернулись к моторке. И снова пришлось заходить в реку. Через лес, залитый водой, толкать алюминиевую посудину не рискнули: неизвестно, что там прячется под мутной жижей. Решили провести лодку по самому краю осыпи.

Дно неприятно заскрипело, карга⁹ приподняла моторку одним бортом. Они упёрлись изо всех сил, и моторка неожиданно легко скользнула на открытую воду.

Спешно побросали в лодку вещи. Тоня тревожно глянула на часы:

– Через пару часов темнеть начнёт. Должны успеть в дальнюю избушку. А эта – странная – здесь неподалёку. Но мы туда не пойдём. Так ведь?

Иван проверил крепление мотора:

– Конечно. На «Ветерке» двинем?

– Сначала на шесте. Отойдём на всякий случай подальше.

Иван послушно потянулся за двухметровым инструментом.

К счастью, долго толкать не понадобилось. Уже метров через двадцать Тоня, занявшая место на корме, опустила мотор в воду, и последние километры до зимовья моторка пробежала по свободной воде на одном дыхании.

---

⁸ Нагромождение крупных камней.

⁹ В данном случае каменистый откос.

Глава 6

Где-то после пяти в первых сумерках они припарковались у каменистого языка, «лизнувшего» реку на крутом повороте. За ним начинались заросли осинника, хорошо натопанная тропка поднималась между зеленоватых стволов к нужной им избе.

– Тут вообще недалеко идти, вон там она, в кустах. – Неожиданно Тоня резко обернулась. – Ты это видишь? – чуть ли не шепотом спросила она.

– Вижу, – так же тихо ответил Иван. – Мы избой не ошиблись?

На камнях валялись две консервные банки, в кустах запутался порванный пакет. Проводник подняла консерву, рассматривая.

– Чего увидела? – заинтересовался Поддубный.

– Да пока непонятно. – Она осторожно опустила банку в лодку. – Интересно, кто это здесь так свинячит? Наши так бы не сделали. Пошли посмотрим?

– Пошли, – без особого энтузиазма согласился геолог.

Не ночевать же на улице или, хуже того, в нижнюю избу возвращаться?

Иван подтянул нос лодки на берег, и они гуськом углубились в осинник. Женщина двигалась впереди, сторожко оглядываясь. Сообразив, что не слышит её шагов, Иван тоже постарался топать потише. Через пару минут он криво усмехнулся: у него так бесшумно не получалось. Перед прогалинкой геолог заметил, что Тоня проверила предохранитель ружья.

Длинная прокопчённая труба слабо дымилась. Вокруг избушки валялись пустые жестяные банки из-под тушёнки и стеклянные суповые. А перед низкой прокопченной дверью был кинут матрас с пожжённым углом. Похоже, горел он недавно, стойкий запах палёной ваты ощущался явственно.

Они переглянулись. Тоня скинула ружьё с плеча. Иван придержал её:

– Я первый. Ты страхуй. – Он говорил шёпотом, но голос звучал уверенно.

Тоня удивлённо глянула на Ивана. В этот момент она поняла, что за мужчину, стоящего рядом, в случае необходимости можно спрятаться. Для неё эта возможность вообще была главным признаком настоящего мужика. Но делиться подобными мыслями с Поддубным Тоня ни за что бы не стала. Ещё чего! Пусть старается, а уже там посмотрим. Она послушно кивнула, отступая чуть в сторону, чтобы вход оставался в прямой видимости.

Иван сноровисто подскочил к избушке. Ссутулившись, постоял, прислушиваясь, и дёрнул за ручку. Спину скрыла захлопнувшаяся дверь.

Избушка была пуста. На полу наплёвано, доски усыпаны какими-то бумагами, похоже, разорвали на листки тетрадь отзывов. Стол замусорен, крошки, бычки, перевёрнутая на бок пустая консервная банка. В буржуйке дотлевали угольки. Если пошурудить и подкинуть щепок, вполне можно разжечь. Значит, ушли недавно, час, не больше. А то и меньше.

Он осторожно открыл скрипнувшую дверь: ещё стрельнёт ненароком. Тоня вопросительно оторвалась от мушки. Он мотнул головой: «Подходи». Она медленно с опаской двинулась вперед, не опуская ружья.

– Мда... – Тоня возмущённо качнула головой. – Какой же гад тут порезвился? Сколько живу, не помню такого. Хотя... – Она обернулась к Ивану, тоже застывшему у порога. – Как-то отец рассказывал, сбежавший ээк давно-давно мамаем прошёл по избушкам. Всё сожрал, что нашёл, вот так же примерно.

– Так у вас тут что, и ээки бегают? – Поддубный отступил на улицу, за ним вышла и Тоня.

– Был случай. Нормальный человек такого бы не натворил. А здесь, в тайге, все нормальные. Ну, кроме вот таких сволочей. – Она с тревогой глянула на закатное небо, темнеющее прямо на глазах. – Что-то мне тут ночевать не хочется.

– И мне. Что делать будем?

- А что делать? Надо возвращаться.
- В ту загадочную избушку?
- Ну да. Выбора-то нет. Эти могут появиться в любой момент.
- А их двое, что ли?
- Похоже. Консервные банки разные люди открывали. По краям видно.
- Тогда давай поторопимся.
- Давай.

Обратно под горку они добрались быстрее, чем двигались к домику. Пока спускались по тропке, Иван, шагавший последним, несколько раз беспокойно оглядывался. Он не мог отделаться от ощущения, что за ними наблюдают. Раз даже показалось, что качнулась ветка осинки, отпущенная осторожной рукой. В этот момент он еле сдержался, чтобы не рвануть к лодке бегом. Сжав кулаки, он невольно втянул голову в плечи. Так хотелось поторопить, казалось, неспешнодвигающуюся впереди женщину. Но не рискнул.

Наконец Тоня, тоже тревожно поглядывая на берег, забралась в лодку. Столкнув посудину, Иван запрыгнул следом.

Отплыли на середину речки, на этот раз мотор завёлся от кнопки, и лодка, задрав нос, устремилась вниз по течению. Берег, неожиданно ставший чужим и опасным, отдалялся. Оба проводили его напряженными взглядами.

Если бы Тоня не велела ему повернуть к берегу, сам Иван никогда бы не нашёл эту избушку. Она и стояла необычно, на противоположном берегу от разорённой хибарки. К реке тут спуск каменистый, это склон той коронованной скалы, сползающей к самой воде, и дорожку не заметить, как ни старайся. Только уже встав на неё, можно догадаться, что когда-то здесь проходили. Но, судя по всему, очень давно. Не ближе, чем в начале лета. Во всяком случае, Тоня была в этом уверена. Уже радовало, что эти варвары сюда не добрались. Хотя они же без лодки, значит, только по противоположному берегу двигались. А мостов тут, к счастью, нет.

Тоня, пояснив, что около избушки воды нет, посоветовала набрать пятилитровую баклажку из Таимбы. Захватив рюкзаки, затащили судно повыше. Лодка тягуче скрипела по камням, с трудом подняли от воды метра на полтора. По команде Тони наломали веток малины и карликовых берёзок, кое-где спускающихся по дальнему краю насыпи. Накидав сверху, отошли подальше, проверяя.

– Если не приглядываться, не видно, – вполголоса резюмировала Тоня. – Двинули, а то скоро совсем стемнеет.

Топать по мрачной, еле угадываемой тропинке в стремительно сгущающейся темноте – это как со зрением минус три пытаться прочесть мелкий шрифт на договоре. Сапоги то и дело цепляли выпирающие булыжники, мыски пинали невидимые бугорки. То и дело проваливался в незамеченные ямки. Даже Тоня,двигающаяся в двух метрах впереди, пару раз споткнулась. Разок по лицу до искр в глазах стегнула ветка редкого здесь куста. Но Ивану хватило. Вытерев слёзы, он постарался удвоить бдительность, теперь периодически вытягивая руку перед собой. Оба молчали, на ходу пытаясь прислушиваться. Тайга, раскинувшаяся в некотором отдалении, шумела. На разные голоса поскрипывали булыжники под ногами, ветер шуршал далёкой листвою, в тёмном небе плыли тяжёлые тучи.

Избушка вынырнула из темноты неожиданно. Она стояла прямо на осыпи, неизвестно каким образом цепляясь за каменистую площадку. Крыша, затянутая рубероидом, как и у других избушек, низенькая, под стреху разве что ползком подлезешь.

Внутри темно, за сумрачным окошком поднимается громада коронованной скалы. У стены грубо сбитый столик на четырёх ножках. Керосинка. Тоня сняла стеклянный колпак. Чиркнула спичка, и слабый огонёк неуверенно закачался, улавливая самые слабые движения воздуха. Неуверенный свет выявил два настила: один пошире, другой узкий – на нём лучше не вертеться, можно свалиться сонным. На стенке у входа, как обычно, полка с консервами, тут

же металлическая коробка с крупой, ага, греча. Сбоку примостились спички и пару листиков бересты для растопки. На стене традиционная тетрадка отзывов. Буржуйка чистая, без золы. Последний, кто заходил, оставил образцовый порядок. Избушка как избушка, пока никакой мистики.

– Дрова должны быть у стенки с солнечной стороны, глянь. А я пока котелок приготовлю. Иван молчком шагнул за порог.

Едва первые огоньки ухватили нижние поленья, Тоня отрезала от шмата сала небольшой кусочек.

Переглянувшись с Иваном, склонилась над печкой.

– И я тоже хочу. – Иван отрезал кусочек побольше.

Почему-то ему показалось, что Тоня неоправданно экономит. Что-то приговаривая, она кинула на дрова сало, и оно зашипело, плавясь. Иван, мысленно попросив у духа домика поддержки и прощения за то, что потревожили, засунул в нутро буржуйки и свой кусочек. Теперь рядом плавилась оба.

– Ну всё, с церемониями покончено. Ждём воду.

Иван почувствовал, как устала натруженная за день спина. Он и на самых интенсивных тренировках по самбо в молодости так не уставал, как здесь, на реке. Сдерживая кряхтенье, улёгся, не поднимая ног, на полати.

Уютно потрескивала печурка, за чёрным окошком завывал нестрашный теперь ветер, и на душе спокойно. Как же мало человеку надо для умиротворения! Тоня суетилась у буржуйки, проверяя готовность пшёнки с тушёнкой. Пока продуктов хватает, запасы избушек они ещё не трогали. Может, обратно пойдут, и пригодятся.

Наконец Тоня разложила густую кашу по личным тарелкам. Молча поели. Каждый сам вымыл за собой посуду. На чай Поддубного уже не хватило. Не раздеваясь, завалился на узкий топчан. Ещё пару минут он слышал, как проводник переливает горячий напиток в кружку, что-то достаёт из рюкзака, а на исходе этого времени он уже крепко спал.

Ночью ему снился незнакомый голос, что-то нашептывающий в уши. Голос был спокойным и доброжелательным. А проснулся Иван с неясными словами, застрявшими в сонном мозгу: «Ищи под ликом».

За окном разливался яркий восход, весело тренькала незнакомая пичужка, второй топчан пустовал. «Ну что ж, надо будет поискать этот неведомый лик. Интересно, что за лик, на скале или где?» Почему-то он не сомневался в его существовании. Потянувшись, Иван тоже поспешил на улицу.

Костерок развели уже по обычаю, на улице, перед этим наведя порядок в домике. Иван вычистил буржуйку, а Тоня прибрала на столе и на топчанах. Выпив по кружке горячего чая с уже изрядно подсохшим хлебом, но не утратившим замечательного вкуса, пошагали к лодке. Отплыли от гостеприимной избушки, когда солнце краешком выплыло над порозовевшими верхушками деревьев.

Глава 7

Река парила, клубы тумана тянулись навстречу, обдавая сыростью и свежестью. Небо очистилось, голубые островки проглядывали в туманных разрывах, настраивая на мирный лад. Было прохладно, не больше десяти тепла, Иван кутался в бушлат, завистливо поглядывая на Тоню, похоже, ей совсем не холодно в энцефалитке. Бушлат у неё тоже есть, но пока в рюкзаке, свёрнутый.

Место причала к разорённой избушке миновали на скорости, провожая напряжёнными взглядами неуютный берег. Иван прислушался к себе. Неожиданно кольнуло дурное предчувствие и окрепло ощущение чужого взгляда. Стараясь не выдать ощущения, покосился на Тоню. Женщина тоже не отрывала глаз от замершего в утреннем полусне берега. Ветерок кинул на лоб прядь волос, и она, оторвавшись от наблюдения, закинула её назад.

Только дождавшись, когда лодка проскочит подозрительный участок, Иван позволил себе расслабиться. Глубоко вздохнув, он снова устался вперёд по ходу движения. Мысли потекли размеренно и спокойно. Вновь захотелось помечтать, как он будет тратить заработанные в походе деньги. Удержал себя от фантазий лишь невероятным волевым усилием. «Лучше не думать заранее, это ж как делить шкуру неубитого медведя. Лучше полюбоваться тайгой». Хорошо бы, безлюдной. Узкая Таимба продолжала влиять, словно её рисовал младенец, которому сунули в руку ручку и подставили листок бумаги. Он решил, что не будет говорить Тоне о своих подозрениях, тем более что все они непонятно на чём основаны. Ну, показалось ему. Так, может, эта мнительность сыграла с ним злую шутку. Или он подсознательно сам настроил себя на тревогу. В любом случае пока одни домыслы. Не хватало ещё на насмешку нарваться.

Часа через три река резко обмелела, и Ивану пришлось снова взяться за опостылевший шест. После десятка толканий почувствовал, что начал согреваться, а то, пока сидел на носу, продрог: стылый ветер пробирал насквозь. Туман давно растаял, но от реки по-прежнему тянуло сырым холодом. Берег пошёл крутой и неприступный, высоченные овражные края нависали над шумливой водой. По правой стороне лиственницы сменились мрачным, непролазным ельником, по левой тянулся березняк, скорей всего поднявшийся после пожарища. И с обеих сторон поднимались вдалеке холмы, заросшие лесом, а их верхушки подпирали хмурые небеса.

Тоня первая нарушила утреннюю тишину:

– Как тебе в избушке спалось?

Иван шевельнул плечом:

– А ты знаешь, неплохо спалось. Сны видел.

– Про что, помнишь?

– Точно не скажу, но вроде как все положительные. Кстати, голос слышал.

– Что говорил?

Иван с трудом вытянул застрявший шест:

– Так, шептал что-то на ухо. А проснулся с точным указанием искать под ликом. Не знаю, что за лик, но теперь буду ещё внимательней осматриваться и не уйду, не перекопав всё, что можно.

– Интересно. А мне ничего не снилось. Как легла, так и встала. Вот они, родимые. – Она вытянула шею, рассматривая что-то впереди. – Пороги. Придётся повозиться.

Речка здесь раздалась, правый берег отступил вместе с деревьями, пологое пространство у воды заполнилось кустарником. Лодка заскрежетала дном по камням, и Иван вопросительно обернулся к проводнику.

– Что делать будем?

Перекинув ремень ружья за грудь, Тоня неторопливо выбралась из лодки:

– Попробуем протолкнуть в самом глубоком месте. Вылазий.

Сапоги погрузились по щиколотки – это около берега. Ближе к середине реки глубже. Иван, не дожидаясь распоряжений, направился к противоположному боку лодки. Ухнув почти по колено, уцепился за борт. Крепкое течение сдавило сапоги как тисками. Внутрь потекла вода, ноги охватило холодом. Стараясь не обращать внимания на немеющие ступни, ухватился за борт. Тоня прицепилась с другой стороны. На счёт раз-два двинули. Камни заскрипели под днищем, и лодка сдвинулась. Поднажали ещё чуток, и, скрежеща и поскрипывая, моторка пошла. Старались сталкивать её на относительную глубину, но и там металл цеплялся за каменное дно. Ноги быстро заledenели, озноб пробирался выше и выше. Сначала заledenели голени, потом холод охватил мышцы бёдер, сжал мёрзлым обручем талию, и стало труднее двигаться: жилы словно задеревенели. Кроме того, приходилось постоянно поглядывать под ноги: попади ступня на камень, и оскользнёшься. Каждый шаг давался с невероятным усилием, будто шагал по горло в воде.

Мелкое, но стремительное течение, ударяя ледяными ладошками, старалось сбить людей с ног. Но даже физическое напряжение не избавляло от холода. Иван сжимал зубы, стараясь не выдать дрожи. Уже в самом конце перехода, когда моторка неожиданно легко прыгнула вперёд, он в довершение неприятностей плюхнулся в реку плашмя. Тоня охнула, а он тут же подскочил, насквозь промокнувший, шёпотом матерясь.

– Живо к берегу! – Тоня перебралась к носу, находя рукой верёвку.

Он не стал себя упрасивать, тем более что моторка уже приткнулась к травянистому склону, круто уходящему вверх. Тоня торопливо обернула конец за тальниковый куст, завязав крепкий узел.

Иван скинул сапоги, вылив из них по ковшику воды. Стянул бушлат, с которого текли ручьи, расстегнул ремень брюк. Спихнув их, вытащил из моторки рюкзак. Кое-как развязав непослушными пальцами, распаковал сухие вещи. Проводник, порывав в кустах, вернулась с охапкой сушняка.

Пока Иван раздевался, робкий дымок поднялся над кучей валежника.

Торопливо переодевшись в сухое, дрожа всем телом, он подсел к разгорающемуся костру.

Тоня, вытянув из своего рюкзака шерстяную, похоже, самовязанную кофту, вполголоса ворча на неуклюжесть мужчин, завернула в неё Поддубного. Он с благодарностью принял заботу.

Костерок разгорался, и подеруха¹⁰ постепенно отпускала. Он поочерёдно вытягивал руки к огню, и пальцы вскоре тоже отогрелись. Мокрые сапоги и такую же одежду Тоня развесила на расставленных вокруг костра шестах, которые вырубил в тальнике, и от вещей поднимался пар. Потом она вырубил пару палок с вилками на конце, и они скрестились над огнём, легко удерживая котелок с водой.

– Будем обедать. – Она глянула на затянутое мутью небо. – Недалече предпоследняя избушка есть, из тех, что на отцовской карте помечены. Попробуем успеть сегодня. Надеюсь, до неё те варвары не добрались.

За секунду до её слов Иван подумал о том же. Хмурясь, он покивал:

– Да уж. Не хотелось бы.

– Ладно, будем рассчитывать на лучшее. Счас быстренько каши сварганю. Поедим да тронемся. Тут вроде можно на моторе проскочить. А одежду твою уже на месте досушим.

Вода в котелке закипела, и Тоня засыпала туда кружку крупы.

После обеда ароматной кашей, заправленной кусочками сала, Иван понял, что окончательно согрелся. Вот только в чём же ему идти? Одежда ладно, можно закутаться в одеяло из запасов, что прихватила Тоня, но обутки другой нет.

---

¹⁰ Дрожь.

Его сомнения разрешила Тоня:

– Забирайся в лодку пока так, босиком, там избушка почти на самом берегу, доберёшься как-нибудь.

Иван с сомнением покачал головой, но спорить не стал. Другого варианта всё одно нет. Придётся потерпеть. Сам виноват, надо было крепче за лодку держаться.

Избушка выплыла из-за поворота часа через два. Всё это время Поддубный просидел на носу, поправляя сползающее одеяло на плечах. И снова продрог.

Лодка двигалась на малых оборотах, но, слава богу, без остановок. Река то раздавалась в стороны метров на десять, подмывая крутые берега, то сужалась чуть ли не до лесного ручья, накатывая волной на купающиеся в воде тальниковые ветки. Неожиданно начало подтекать дно лодки. Тоня предположила, что подорвали немного на перекатах. Пока не критично. За всю дорогу после обеда она всего лишь разок, не выпуская из одной руки румпель, другой вычерпала накопившуюся воду. Иван порывался ей помочь, но проводник махнула на него:

– Сиди уже, помощник. Опять промокнешь. Заболеешь, возись с тобой потом.

Вздыхнув, Иван присмирел. Заболеть вовсе не хотелось, тем более что ближе к вечеру начало холодать, и он почувствовал, как ветерок всё глубже проникает под одёжку.

Наконец, укоренившаяся на травянистом грунте, метрах в двадцати от воды показалась следующая охотничья избушка. Лодка с заглушенным мотором медленно ткнулась в глинистый берег. Но выходить оба не спешили: в воде покачивалась вскрытая консервная банка. Тоня, не выпуская из поля зрения, казалось, нежилую избушку, выловила её. И тут же выбросила в траву с кратким комментарием:

– Те же самые варвары. Знакомый почерк.

Иван тоже присмотрелся к краю открытой банки, но ничего знакомого так и не увидел. Однако Тоне поверил с первого слова. Пока она не ошибалась.

Иван на всякий случай подтянул поближе мокрые сапоги, вдруг придётся срочно надевать, а Тоня положила на колени ружьё.

– Какие будут предложения? – Иван говорил шёпотом.

– Да ладно, можешь не шептать, если здесь кто есть, всё равно мотор слышали. Думаю, надо осмотреться. Похоже на то, что избушка пустая. Ночевать в палатке у меня желания нет. Ещё наночуемся. Да и тебе досушиться надо.

Иван скинул одеяло:

– Тогда пошли?

– Пошли. – Тоня перекинула ноги через борт.

– Подожди, я сапоги натяну.

Перед избушкой остановились, прислушиваясь. Обычные лесные звуки: скрип деревьев, шуршание листвы на вершинах покрасневших, словно девушки, услышавшие нескромное слово, осинки. Иван жестом показал, что он пойдёт первым. Кивнув, Тоня отступила в сторону, приклад ружья прижался к плечу. Но пока не целилась.

Дверь отворилась с лёгким скрипом. Пусто! Обернувшись, он мотнул головой, приглашая проводника подойти, и сам нырнул в тёмное нутро домика.

Опять на столе мусор, те же бычки, консерва. Что они тут ели? Ага, перловый суп. Но почему бы не выбросить куда-нибудь, не прикопать? Что за неуважение к людям? Похоже, те, которые устраивали беспорядок в домиках, думать о ком-нибудь, кроме себя, не приучены.

Печка, сложенная из камней, холодная. Золу, конечно, никто и не подумал вычистить.

Тоня заглянула в поддувало. Выпрямившись, вынесла вердикт:

– Топили давно. Никак не меньше двух дней, а может, и больше. Дом выстудился полностью.

Иван присел на голые доски топчана:

– Будем ночевать?

Тоня устало опустилась рядом:

– Думаю, рискнём. Дверь изнутри закроем, из лодки всё сюда перенесём. Похоже, ночью дождь будет. Палатка – не выход.

– Лады, давай порядок наводить, что ли?

– Давай. Только ты сиди и сапоги сними. Они же, поди, ледяные.

Иван вынужденно покивал:

– Ладно, в следующий раз я тебе помогу.

Глава 8

Выбросив за дверь затлевший матрас, рецидивист Малахай, высокий, ощутимо сильный, с лопатообразными ладонями, сжав в неполный кулак скрюченные пальцы, когда-то жилы в драке порезали, крепко выматерился:

– Ну Тюня ты, точно Тюня, так тебя через так.

Тюня – по плечо Малахаю, шустрый, с вечно прищуренными глазами, в которых навсегда застыли недоверие и опаска, плюнул в угол избышки, не вставая с полатей.

– Я чё, виноват? Заснул, а окуроч вывалился.

– Окуроч у него вывалился, а огузок не вывалился? – уже теряя запал, проворчал он. – Сгореть же могли. Причём естественно.

– Ну, не сгорели же.

– Ладно, вставай, хорош валяться. Счас часа три, до вечера должны успеть. Жрать охота, может, тут ещё по берегу где избышка найдётся.

Тюня рывком скинул ноги на земляной пол:

– Пожрать я не дурак.

Оба остановились за домиком, настороженно поглядывая на раскачивающиеся лиственницы: ветер тянул плотный, стылый, коротко стриженные головы мёрзли. Наконец, застегнув телогрейки на все пуговицы, неуверенно пошагали, выстроившись гуськом: впереди Тюня, Малахай замыкал.

Идея пошарить по охотничьим заимкам подал Малахай, почти местный житель, он когда-то пахал в одной шарашке под Красноярском, а там такой домик стоял на ручье. На этом же ручье, дальше по течению и промышлял с ситом Малахай, конечно, нелегально.

Тюня, загремевший на первый срок по хулиганке, уходил на зону из Саратовской области и в таёжных делах почти ничего не смыслил, полностью доверяя опытному напарнику. Он и в побег пошёл, поддавшись на посулы Малахая, обещавшего чуть ли не золотые горы, а, точнее, золотые ручьи, на деле оказавшиеся мифическими. Зачем он взял с собой в побег неопытного первоходку, на что рассчитывал опытный зэк, не поняли даже граждане начальники в зоне, получившие впоследствии за то, что не уследили, строгие выговоры. Толку с Тюни в тайге – ну примерно как с эвенка в городских трущобах. К тому же золото в местных водоёмах если и было, то в мизерных количествах. Да и извлечь его оказалось нечем, ни инструмента, ни каких приспособ для золотодобычи найти не удалось.

Скорей всего, Малахай не был до конца искренен с Тюней, тая от напарника по побегу какие-то свои, только ему ведомые планы на будущее. Тюня начинал что-то такое подозревать, но твёрдого мнения на этот счёт сложить не мог. Фактов мало. Они собирались отсидеться в этих местах, пока там, в лагере, не утихнет шум после их исчезновения, а у краснопогонников не иссякнет желание рыскать в поисках беглецов по необъятным просторам эвенкийской тайги и редким местным посёлкам.

Проблему пропитания пока решали за счёт заимок, разорив уже вторую, но оба понимали – долго так продолжаться не могло: или избышки закончатся, или повстречается какой-нибудь не слишком вежливый охотник, владелец домика. Вряд ли такая встреча принесёт им положительных эмоций. Хотя тут ещё как посмотреть, неизвестно, на чьей стороне фарт ляжет. Во всяком случае, убивец Малахай никакими нравственными нормами себя не отягощал, прихлопнуть человека рука бы не дрогнула. Да, ружьё им бы пригодилось.

Моторная лодка проскочила по реке, когда солнце встало над тайгой в полный рост. К этому времени они удалились от домика километра на три. Пройти больше просто не получилось – заваленная буреломом и валежником тайга не позволяла развить скорость хотя бы пешехода. Плелись не больше километра в час, как предположил Малахай, пытаясь отдышаться

после очередного подъема на заваленный булыгами склон невысокого, но давшего чуть ли не с кровью, холма.

Забыв про усталость, рванули к берегу наперегонки, будто по спортивной дорожке с препятствиями, перепрыгивая камни и подгнившие стволы. Успели в самый последний момент. Запыханные, выскочили на простор берега, когда лодка втягивалась в изгиб реки. Но то, что в ней всего двое, мужик и баба, разглядеть успели. Проводив исчезающую корму злыми глазами, Малахай бессильно выругался: «Эх, чуть бы раньше!»

Моторка двигалась в сторону разоренной избушки, оставленной ими несколько часов назад, и это предстояло обдумать. Тяжело дыша, беглецы уселись на травянистый край высокого берега, круто спускающегося к воде.

Ноги подрагивали, дыхание долго не могло успокоиться. Первым молчание нарушил Тюня:

– Ну, что будем делать?

Малахай кивнул:

– Будем, естественно. Делать. Сам что думаешь? – Он смотрел искоса, по старой лагерной привычке стараясь не встречаться взглядом, будто вскользь.

Тюня поёрзал:

– Тю... чё думать? За ними надо топать. Может, жратвой какой поделаться.

Малахай поднял голову, всматриваясь в противоположный берег, тоже высокий, но каменистый.

– А не поделаться, вежливо попросим. Пошли, чё расселся? – Он упруго поднялся, отряхивая штаны. – Возвращаемся.

Напарник подскочил следом.

Они миновали уже почти половину пути до разорённой избушки, когда звук мотора снова растревожил таёжную тишину. Оба замерли, напрягая слух. До воды метров пятьдесят, да через заваленный гнилыми стволами и крупными булыгами лес. Опять не успеют. А лодка явно двигалась навстречу.

– Что б вас, – уже понимая, что они снова остались не у дел, выругался рецидивист.

– Может, рванём? – Тюня, готовый сорваться с места, повернулся к старшему товарищу.

– Ага, чтобы ноги переломать, – он снова собрал в конструкцию несколько витиеватых выражений. – Они издеваются, что ли?

Первоходка расслабился:

– Наверное, не захотели в нашем домике останавливаться. Не понравилось.

– Естественно. Кому понравится в бардаке ночевать, – задумчиво протянул Малахай. – Это мы ошиблись. Не мог прибрать хоть малость?

– А чё я? Ты и не говорил ничего.

– А у самого мозгов вообще нет?

Тюня, обидевшись, засопел, но ответить не решился. Хотя на язык лезло.

– Выходит, в этой стороне домишко имеется. В него-то они, похоже, и едут ночевать.

– Может, найдём?

– Найдёшь тут. – Рецидивист задрал голову. – Стемнеет скоро. Айда, куда шли. Хоть крыша над головой будет.

– А пожрать так и не надыбали, – уже начиная движение, заметил Тюня.

– Ладно, придётся не жрамши ночевать. Может, что завтрава получится.

Моторка прошла мимо затаившихся в кустах эков поутру. Сегодня они встали рано, с животами, подведёнными голодом, долго не разлежишься. Лодка, чуть приподняв нос, двигалась ходко. Баба, кстати, довольно симпатичная, за рулём, мужик на носу. И оба пристально так рассматривают берег. Неудивительно, понимают, что гости, давеча заглянувшие в домик, не из лесных людей. Вот и настоroje. Малахай расстроено цокнул. Знал бы, что так сложится,

заставил бы Тюню языком избушку вылизать. И были бы у них и лодка, и оружие, и хавчик. И ещё что-то наверняка не лишнее, мешки и сумки, сваленные на дно лодки, приятно наполнились.

Вот стих мотор за поворотом, и оба неспешно выпрямились.

– Ну чё, потопали?

– Ага. – Тюня жизнерадостно кивнул. – Будем догонять?

– Естественно. Жрать-то что-то надо. А у них, видал, полные рюкзаки. Может, ещё чего полезного с них снимем.

Сглотнув слюну, Тюня снова занял место во главе их маленькой колонны. Ещё в самом начале робинзонады так решил Малахай. Мол, у тебя глаз моложе, если что, и опасность заметишь первым. Тюня не спорил. Он вообще избегал спорить с напарником, признавая его авторитет не только в лесных делах, но и помня высокое положение Малахая в лагерном табеле о рангах.

Через минуту спины беглых лагерников, обтянутые чёрными телогрейками, скрылись в густой прибрежной зелени.

Глава 9

Из-за крутого поворота, окаймлённого высокими обсыпавшимися берегами, выплыла сползающая в воду галечная коса. Дальней стороной она терялась в густом смешанном лесу. Ближайшая часть косы завалена крупными булыгами, а по мере удаления от воды сначала редкий, а потом всё гуще и гуще, заполнял открытое пространство цветущий иван-чай.

Тоня без разговоров направила лодку к берегу. На немой вопрос геолога пояснила, что хочет набрать травы для чая. Иван, с удовлетворением глянув на чистое небо, залитое по-августовски мягким солнечным светом, молча кивнул.

Дело клонилось к обеду, река с самого утра баловала путешественников ровным без мелей и заломов течением, и настроение было вполне радужное.

Метёлки Иван-чая поднимались высоко, по грудь, Поддубный думал, что они в чай и идут, но рвали, как подсказала Тоня, только продолговатые листья со стволов.

– Остановимся когда, подсушу малость, он ещё вкуснее станет.

Иван собирал молча, наслаждаясь запахами, умиротворённый и почти счастливый, но в дальнем уголке мозга постепенно рос червячок беспокойства. Те недоброжелатели, которые наблюдали за ними с берега, а он почти не сомневался, что таковые имелись, наверняка пойдут следом. Тут простая логика. Раз обобрали запасы избушек, значит, в лес пришли без припасов. Местные сразу отпадают, лесные жители в тайгу без продуктов, ружья и разной мелочовки вроде спичек, рыболовных принадлежностей и ножа не сунутся. Выходит, чужие, и к визиту в тайгу явно не готовы. Вариантов тут самое большее два: беглые эки или какие-нибудь заблудившиеся туристы. Во второй вариант, исходя хотя бы из закона подлости, верилось меньше. Да и откуда тут туристы, что им делать на Таимбе в конце лета? Речка неприметная, на каких туристических маршрутах не обозначена. Ни для гребли, ни для плота не приспособлена в силу мелей и прочих пакостей. Значит, будем исходить из самого неприятного варианта – беглых эков. А вот с ними встречаться совсем не хочется. Предельно ясно, что пока на их стороне относительно высокая скорость передвижения – моторкой. Несмотря на обилие петель и заворотов, всяко-разно быстрее, чем на своих двоих по заваленной буреломом тайге. Да ещё прыгая по горкам, пробираясь через колючий шиповник, оступаясь на курумниках и сползая по осыпям. Интересно, что по этому поводу думает Тоня?

Он нашёл взглядом проводника, кулаком утрамбовывающего собранную траву в матерчатый мешочек, только что извлечённый из недр рюкзака. А почему бы и не спросить напрямую? Всё-таки вместе рискуем.

Кидая в мешок последнюю охапку Иван-чая, он присел рядом на корточки:

– Тоня, слушай, спросить хочу.

Она подняла на Поддубного взгляд, в нём искрилась легкая смешинка:

– Хочешь – спрашивай.

Он почесал над ухом:

– Как ты думаешь, кто в домиках побывал перед нами?

Искринка пропала в момент. Затянув мешочек, поднялась. Выпрямился и Иван.

– Думаю, эки беглые. Или, что тоже возможно, бандюки какие-то, натворили чего и прячутся в тайге. Поплыли дальше. – Она закинула ношу в лодку, устроив мешочек на лавке. – Воду надо вычерпать.

Иван дёрнулся, перехватывая кружку, к которой уже тянулась женщина.

– Я вычерпаю.

Тоня, не меняя серьёзного выражения лица, кивнула.

– Кто бы там ни были, встречаться с ними не хочется.

Иван зачерпнул со дна воду и вылил в речку:

– А как думаешь, они за нами не пойдут?

Тоня кинула беспокойный взгляд вниз по течению реки, в ту сторону, откуда они приплыли.

– Всё возможно. Будем надеяться, что или не рискнут за нами топать, берег-то завален неслабо, да горы, попробуй это всё обойди, или мы умудрились проскочить незамеченными.

– Что маловероятно, – прокомментировал Иван.

Она качнула головой:

– К сожалению, тут ты прав.

– Выходит, надо держаться настороже. И ночами тоже.

– Выходит, так. Конечно, день-два форы у нас будет, но расслабляться нельзя. Я давно тебе это сказать хотела, но как-то всё сомневалась. А вдруг ошибаюсь?

– А теперь что, не сомневаешься?

– А вот как ты спросил, поняла, уже не сомневаюсь. И даже если жестоко ошиблась и никто за нами не идёт, в любом случае наша загородная прогулка закончилась.

– А что началось? Учения, приближенные к боевым? – Иван вылил последнюю кружку. – Можно ехать.

Непроизвольно торопясь, забрались в лодку, и, только уже заведя мотор, проводник ответил:

– Что-то в этом роде.

Петля накручивалась на петлю, берег поднимался высокий, пошли холмы, упирающиеся где голыми, а где лесистыми верхушками в голубое небо, к вечеру покрывшееся блудными облачками. Пока прозрачными, но проводник без сомнения определила ухудшение погоды на завтра.

– Пойдем ночевать, надо вещи с собой все забирать.

– Может, и мотор возьмём?

Тоня подумала несколько секунд:

– Может быть. Хоть и вряд ли кто нас в ближайшие пару дней догонит, но бережёного, дальше сам знаешь...

– Хорошо.

После того как солнце спряталось за высокие холмы, ещё час Тоня вела лодку. Узкое, но проходимое русло, казалось, бесконечно тянулось в обрамлении скал и курумников. Медленно сумрачная тишина опускалась на Таимбу. Лиственницы, шапками укрывавшие вершины холмов, светились розовым исподним под закатными лучами. Начинало холодать, оба, не сговариваясь, одновременно застегнулись под горло. Из-за спины наплывала громада тяжёлых туч. Тоня несколько раз поглядывала на небо, тревожно хмурясь. Наконец, что-то для себя отметив, она решительно свернула к берегу.

– Последняя избушка с отцовской карты где-то здесь. Придётся поискать, точно место не знаю, не была. Но вроде как между двумя холмами стоит, место очень похоже. Ты пока разгружай, а я пройду, гляну.

Иван выпрыгнул вслед за Тоней:

– Лады. Осторожней там.

На удивление, проводник не стала язвить или ехидничать. Молча кивнув, поспешила вверх по склону, теряющемуся в глубокой балке.

Поддубный отметил изменения в поведении женщины. Мысленно хмыкнув, отнёс их к собственному умению воспитывать барышень. Ну, кто из мужчин не ошибается?

Пока освобождал лодку, налетел прохладный ветерок, и речка, только что спокойная, покрылась бугорками волн. Слышались скрип раскачивающихся деревьев и тихое плескание реки. Ни птички, ни мышонка... Будто попрятались.

Сгрузив скарб на берег, стянул с полозьев мотор. Взвалив на плечо, утащил повыше по склону, всё равно поднимать туда. Подумав, перенёс и остальные вещи, свалив их на хвойную подстилку под толстоствольной елью.

Погода продолжала портиться, небо затянулось непроглядной пеленой, по которой уже без просветов плыли мрачные тучи. Поддубный успел ещё вытащить лодку на берег, накрепко привязав её к мачтовой сосне, когда его окликнула Тоня. Он опять не услышал, как она подошла.

– Хватай вещи, счас ливанёт. И бутылку с водой не забудь. Избушка тут, недалеко. Метров сто.

Мотор Тоня решила с собой не тащить. Поискав глазами, выбрала укромное место под низкими елями, и вдвоём упрятали движок там, накрыв колпаком и кинув сверху пару пушистых еловых лап, наскоро срубленных умелой женской рукой. Суется, разобрали сумки и рюкзаки, Иван мизинцем умудрился зацепить пластиковую дужку пятилитрового бутыля.

Удалившись на десяток метров по еле заметной тропке, зажатой между крутыми склонами балки, она оглянулась. Нет, «Ветерок» не заметят. Жаль, лодку ветками не закидали, да уж ладно. Вряд ли кто ею сегодня заинтересуется. Погоня, если и есть, ещё далеко, а другого народа тут сейчас не ходит. Ну, кроме них. Коротко глянув на тёмное небо, придавившее страдальицу-землю, она ускорила, догоняя Поддубного.

Им не хватило пары минут. Избушка, похожая на все предыдущие, как подружки из одной деревни, уже виделась за крайними стволами, и в этот момент на плечи словно мокрая тряпка упала. Ливень хлынул мгновенно, и в несколько секунд они промокли насквозь. Тоня уже почти бежала впереди. Последним усилием удерживая готовую вывалиться из уставших пальцев поклажу, Иван тоже засеменил, стараясь не отстать от резво поддавшей женщины.

Избушка встретила их закрытой дверью. Ещё какое-то время заняло нащупывание ручки свободными пальцами. Наконец, Иван, ругаясь, а Тоня, приглушённо попискивая, заскочили в низкую дверь, похоже, даже одновременно. Скинув вещи в угол, обернулись, с весёлым смущением наблюдая через дверной проём за сошедшей с ума погодой.

Освободив руки, Поддубный резко захлопнул дверь, и в избешке разом стало тише.

– Дрова, слава богу, есть, сухие. Я печку растоплю. А ты котелок поищи. – Тоня, обдав напарника брызгами, через голову стянула энцефалитку, оставшись в тонкой кофте под горло. Иван, морщась, еле разогнул сведённые судорогой пальцы. Вспомнив школу, сделал короткую гимнастику, приговаривая: «Мы писали, мы писали, наши пальчики устали». Тоня, улыбнулась, обернувшись от печки.

Скинув тяжёлый бушлат, с которого текли ручьи, уложил его под дверь. Если уже быть луже, то пусть там. Ощущая озноб, охватывающий тело от кончиков пальцев ног до подбородка, выразившегося коротким стуком зубов, он склонился, отыскивая нужную сумку. Загрела посуда, и Иван извлёк прокопчённый котелок.

– Горяченького охота, аж зубы ломит.

– Это точно. Раздевайся, а то заболеешь. Сухие вещи есть?

– Найду.

Она пару секунд наблюдала за разгорающимися дровами. Подскочив, поставила на полати свой рюкзак. Заметив, что уже почти раздетый Иван не решается при ней снять трусы, без затей прикрикнула на него:

– Разгаляйся, я не смотрю. Простынешь, сам будешь лечиться. – Она встала боком, давая понять, что не смотрит. А что увидит периферийным зрением, так что ж? Как пугливые малолетки глаза закрывать? А свои вещи как доставать тогда? Да и чё она там не видела. Голую белую задницу, отчётливо выделяющуюся ниже загорелой спины? «А симпатичная!»

Устыдившись собственных мыслей, Тоня отвернулась, несколько поспешно извлекая из рюкзака тёплые вещи.

Иван натянул верёвку, зацепив её за специально для такого случая вбитые под потолком гвозди, и избушка стала напоминать постирочный участок в армии. Пахло сыростью и неуютом. Не хотелось ничего делать, даже есть не шибко тянуло, хотя и с утра голодные.

Сухая одежда, одетая на мокрое тело, немного притушила подеруху, но познабливало. Подтащив грубо слепленную лавку поближе, оба сели напротив медленно разгорающейся буржуйки, протягивая к огню, вырывающемуся из открытой дверцы, ладони. За окошком стемнело окончательно. По крыше глухо били крепкие струи дождя, за стеной недобро завывал ветер, тревожно постукивая невидимой веткой по стеклу. Иван думал, что если бы не этот огонёк печки, можно было решить, будто они одни во вселенной, брошенные в самой глухомани наедине со стихией. Молчали, лишь иногда тишину нарушали пошмыгивания и кхеки.

Наконец, забулькала вода в котелке, установленном впритирку с трубой буржуйки, и Тоня нехотя шевельнулась:

– Кашу будем варить?

Иван на секунду задумался, прислушиваясь к ощущениям. Нет, по-прежнему есть не хотелось. Хотелось, улёгшись на тёплый лежак, завернуться с головой в толстое одеяло.

– Давай что-нибудь так, на скорую руку. Консервы у нас там ещё есть?

– Давай так, самой лень. А здесь иван-чайку заварим.

– О, чаёк – это то, что нужно.

Каждый сам вскрыл консерву, Тоня выбрала для них сайру в масле. Раздала по сухарю, ложки достали свои. Пару минут, и ужин исчез. Отставляя пустую банку в угол, Иван понял, что его уже почти не морозит. А после нескольких глотков обжигающего травяного напитка он и вовсе почувствовал, что согрелся. Убрав посуду на стол, оба решили, что успеют помыть завтра, встали, потягиваясь. Иван покрутил поясницей, разминая. Всё-таки нагрузки серьёзные. Никакая борьба с ними не сравнится. Каждый вечер спина побаливает, но это от усталости.

Накинув на голову тонкий плащ, Тоня выскочила за порог. Пока Иван раздумывал, куда это она, проводник вернулась с солидной охапкой дров. На его немой вопрос ответила:

– Теперь на ночь хватит.

В спальники нырнули почти одновременно. Поёрзав, повернулись спиной друг к другу.

По крыше напористо барабанил ливень. За окном выл ветер, бросая крупные брызги в мутное стекло. В нагретом домике было тепло и уютно. Уже засыпая, Иван подумал о преследователях. Если они есть, то сейчас застряли в тайге без крыши над головой. В туманном сознании появились образы двух прижимающихся друг к другу мужиков, пытающихся укрыться под ненадёжной крышей из еловых лап, и в следующий момент он уже спал.

Глава 10

Да, еловые лапы, конечно, широки, но от потоков воды, обрушившихся на них пять минут назад, защищали слабо. Точнее, пару минут в самом начале ливня ещё как-то держали, отводя ручьи подальше от ствола, но хватило их ненадолго, и сумасшедший дождяка теперь водопадом обрушивался на их несчастные головы. Моментально они вымокли так, словно искупались в одежде. А вода-то не летняя, тело охватила дрожь, и Тюня прижался к смолистому густо пахнущему хвоей стволу, как к родной мамке в детстве. Рядом, привалившись к дереву с другой стороны, словно волк, щёлкал зубами Малахай.

Ну, сколько они прошли до вечера? Километров пять, самое большое, а эти, на моторке, наверняка вдвое больше отмахали. Такими темпами их ещё неделю догонять. Если, конечно, не повезёт, и мужик с бабой раньше не остановятся. Что их сюда под зиму понесло, интересно? Хотя какая им разница. Для них, бывших экзов, это шанс выжить в наступающей осени, здесь больше похожей на зиму где-нибудь в Ростове. И даже если этих в лодке хватятся и начнут искать, то в такой чащобе спрятать два тела легче, чем ту самую иголку в стоге сена. А местные зверушки помогут захватить навсегда. Косточки по лесу так раскидают, никакая экспедиция, будь они хоть все чингачкуками, не найдёт. Так по пути объяснял Малахай, изредка подгоняя отстающего напарника. Тюня слушал молчком, никак не реагируя на слова вора. Это был плохой признак. Рецидивист видел: Тюня не горел желанием продолжать погоню. Он всё чаще останавливался. А когда двигался, то отставал. Приходилось подгонять или, набравшись терпения, ждать. Можно было попробовать наорать, запугать сопляка, попробовать сломать окончательно, но Малахай нутром чуял – станет только хуже. Пока парень, хоть и больше по привычке, но выполнял распоряжения старшего напарника, признавая его опыт и авторитет. А что будет, потеряй он интерес к жизни, номинальную, но волю, просчитать невозможно. Вор знал, каждый реагирует по-своему, и одной схемы для всех не существует.

Более того, Малахай подозревал, парень и в его планах принимать участия не шибко рвётся, уже откровенно жалея о том, что согласился на побег. Ну, тут уж ничего не попишешь. Нехай терпит, назад дороги нет. Тем более что долго мучиться ему не придётся. Пока они идут, Тюня будет жить, но после того, как лодка со всем содержимым станет их собственностью, и они переберутся в какую-нибудь избушку, где можно пережить несколько месяцев, парень станет не нужен. Живым не нужен. Малахай захватил Тюню в качестве «консервы» и пока поводов менять планы не видел. Конечно, прибарахлиться за счёт лодочников дело святое, но надолго ли их жратвы хватит? А тут под боком завсегда готовое мясо, свежее. До холодов доживут, а зимой он тело парня заморозит, подвесив куда-нибудь повыше. Если не найдёт готовый, то придётся самому делать что-то вроде лабаза. Ну да инструмент будет, справится. Может, Тюня и сделает. А самое главное, у этих, с лодки – карабин! Опытный глаз Малахая узнал оружие с первого взгляда. Да, с карабином совсем другой разговор. И в лесу не пропадёшь, и если что, отбиться можно от нежелательных свидетелей. Ежели появятся.

Где-то через час, почувствовав, что начинает замерзать по настоящему, словно зимой в сугробе навсегда, Малахай выгнал чуть живого Тюню из-под дерева, заставив ломать голыми руками ветки разлапистых пихт, как по заказу обступивших толстоствольную ёлку, под которой они пытались укрыться от дождя. К счастью, хрупкие смолистые ветки поддавались легко. Он знал, только пихтовый лапник в силу более плотного расположения иголок может спасти их от потоков воды. И сам ломал их с остервенением, не обращая внимания на не сгибающиеся пальцы и потоки воды, стекающие по лицу, и хлюпающие сапоги. У напарника получалось хуже, он вообще выглядел заторможенным. Малахай, кидая злые взгляды на парня, еле таскающего ноги, кидал и кидал ветки, укладывая часть на хвойную подстилку под деревом, а другие наваливая одним концом на горизонтально торчащую палку.

К тому времени, как там скопился приличный ворох веток, из которых Тюня добавил в общую кучу от силы штук пять, рецидивист наконец решил, что достаточно. Двумя руками, еле удерживая непослушными пальцами, подхватил Тюню за шкуру. Стянув с не сопротивляющегося парня насквозь мокрую телогрейку и полные жидкости сапоги, пинком заставил его забраться под дерево. Тюня, испуганно поглядывая на напарника, боком залез глубже по подстилке. Малахай, тоже скинув верхнюю одежду, упал следом, выбивая палку, держащую вторую кучу веток, ногой. И в тот момент, когда пихтовые лапы обрушились на людей, он уже крепко прижимал к себе дрожащее тело парня. Только так, он понимал, у них есть шанс дожить до утра.

Глава 11

Дождь к рассвету так и не закончился, перейдя в мелкую досаждающую, словно мош-кара, морось. Пробежавшись по очереди до кустиков, стали собираться. Нижнее бельё, штаны, кофта и портянки успели высохнуть, и даже сапоги просохли почти полностью, разве что внутри подошва чуть сырела, но под вновь вставленной стелькой было незаметно, а вот бушлат, несмотря на то что на ночь Иван его выжал и повесил ближе всего к печке, оставался влажным и тяжёлым. Но выхода не было, пришлось надевать в том виде, в каком был. Тоня, видя сомнения Поддубного, цинично, как ему показалось, прокомментировала: «Ничё, к вечеру высохнет, если дождь закончится».

«Конечно, ей легче, энцефалитка и промокла меньше и высохла быстрее. Бушлат, так и неодеванный, в целлофане лежит».

Она уже поставила на заново растопленную печурку котелок с водой, намереваясь теперь уж точно сварить кашу. Иван, уложив вещи, выбрался на улицу. Несмотря на сыплющуюся с неба влагу, дышалось легко, лесной воздух, пропитанный терпкими хвоистыми ароматами, втягивался ноздрями, словно спасительное лекарство астматиком. Спрятавшись на верхушке сосны, чирикала какая-то позитивная пичуга. Стоял полный штиль, ни одна ветка не качалась, не поскрипывал ни один ствол. Продышавшись, Иван обошёл вокруг домика, сложенного из толстых сосновых брёвен. Поленница, укрытая куском рубероида, просела с одного бока. Да, за дождливую ночь сожгли прилично. Догадавшись, что нужно сделать, Поддубный отправился за топором и ножовкой.

Сухостой нашёлся быстро, но и он под ливнем вымок, наверное, тоже насквозь. Подумав, Иван решил, что другого он всё равно не отыщет, а уложенные в поленницу дрова до зимы наверняка просохнут. Поплевав на руки, подсел к комелю сушины с ножовкой.

Пока Иван занимался заготовкой дров, Тоня сварила кашу. Запахи уже разлетались по округе через распахнутую дверь. Иван заканчивал укладывать охапку поленьев у стены, когда проводник пригласила его на завтрак.

Разделавшись с кашей, причём чуть ли не вылизав котелок, поднял удивлённый взгляд.

– Ну как? – Тоня замерла, ожидая ответ.

– Очень вкусно, не могу понять, что ты добавила туда.

Женщина разулыбалась:

– Да я вспомнила, что у меня в пакете мясо лося свежее, отварила его, а на бульоне кашу сварганила, вот почему вкус необычный, а мясо с собой завернула, по дороге почеевничаем.

– Ничего не забыли?

– Конечно, забыли, – Тоня, опустив поклажу на порог, поспешила в избушку. – Тетрадь не заполнили.

Иван понятиво покивал, тоже пристраивая свой груз рядом с Тониным. Пусть руки отдыхают, успеют ещё поработаться.

Тоня справилась за пару минут. Снова разобрав вещи, не торопясь, вышли к берегу. Лодка нашлась там, где и оставляли, правда, оказалась заполненной водой на добрую половину. Достав из-под лавки алюминиевую кружку, приспособленную для вычерпывания, Иван занялся делом. Тоня, чтобы не стоять без дела, отошла к стоящему у берега кусту шиповника, усеянному мелкоягодной ярко-оранжевой ягодой.

– Добавлю к чаю, – пояснила она, срывая первые ягоды.

Установив движок, тоже удачно переживший вчерашний потоп, на законное место, столкнули лодку. Оба двигались уверенно, не спеша. Почему-то в этот утренний час не верилось, что где-то может таиться опасность. После вчерашнего урагана природа словно отдыхала,

приходя в себя. Мирное тусклое ещё небо, но уже с голубыми просветами настраивало на такой же мирный лад и людей.

Тоня привычно заняла место за «Ветерком», Иван, разогнавшись, оттолкнул лодку от берега. В последний момент перевалился через борт, умудрившись не замочить сапог. Перебравшись на нос, подтянул поближе шест. Заурчал двигатель, и моторка лениво повернулась носом против течения.

Теперь мели попадались намного чаще, крутые берега словно сдавливали узкое русло поднимающимися прямо от воды скалистыми уступами, и Иван почти не выпускал шест до самого обеда, неожиданно натерев мозоль на левой ладони. Хотя вроде уже привычный, и топор и лопата в руках бывают, а поди ж ты. Жаловаться он не собирался, но Тоня по тому, как он стал беречь руку, а лодка уменьшила скорость, сама поняла: что-то не так. Попросив показать ладонь, осуждающе качнула головой:

– Как же это тебя так? Счас обмотаю чем-нибудь, – порывшись в сумке, она достала непечатый бинт.

– Может, не надо, – попытался остановить её Иван, но Тоня, направив лодку к берегу, упрямо мотнула головой:

– В тайге мелочей не бывает. Вроде мозоль, птху на неё, а вот в полную силу шестом уже не толкаешь. А где-то это может и аукнуться. Я уже не говорю о лопате. Как шурфы копать будешь?

Моторка зарылась носом на мелководе, отчего корпус, заскрипев металлом, вытянулся вдоль течения. Тоня разорвала зубами упаковку.

Виновато шмыгнув, Иван протянул руку.

– То-то, – затянув узелок на ладони, Тоня поднялась. – Посиди, я ещё шест вырублю. Вдвоём пойдём.

– Давай я.

– Сиди уже. Справлюсь, – вытянув из сумки топор, она выпрыгнула на глинистый берег, поднимающийся к склону лесистого холма.

С двумя шестами пошли быстрее. Мозоль вроде и не болела сильно, но саднила, и он невольно ослаблял нагрузку на ладонь, стараясь сильно не налегать. Без помощи Тони они, скорее всего, вообще бы на месте толкались.

Опять потянулись густые тальники. Кусты склонялись к реке, опуская в воду темнеющие ветки, словно деревенские тётушки, измученные трудом руки, полоскающие бельё. Русло сузилось ещё на пару метров, склоны холмов хвоей и мусором засыпали тёмную воду, и она кое-где полностью скрывалась под слоем зелени. В крохотных заливчиках зеркало реки покрывала болотистая ряска. По берегу из мешанины деревьев вырастали острозубые скалы, то низенькие метра на полтора, а то высокие, с пятиэтажку.

Толкалось тяжело, лодка двигалась медленнее черепахи. О «Ветерке» забыли окончательно. Тоня, тихо поругиваясь, подняла винт над кормой. Привал пришлось объявлять часов в двенадцать, оба умаялись до дрожи рук. Разгорячённое тело высушило одежду, словно разогретый бок печурки, даже бушлат заметно потерял вес и уже не казался сырым при прикосновении. Хотя что там внутри, непонятно, как бы не заплесневел. Иван рассчитывал досушить его на ближайшем ночлеге.

Подходящий бережок искали больше часа, так как или у края сразу начинались почти вертикальные подъёмы, заросшие тальником, или частокотлом вставляли мелкие пихточки: не высадиться. Наконец, вытянутый вдоль реки лесок прервался неглубокой балочкой, имеющей свой метровой ширины бережок. К нему и подогнали лодку.

С трудом переставляя ноги, словно набитые ватой, Иван побрёл выше по каменистому дну навстречу мелкому ручейку. Давно хотелось по-маленькому.

Тоня, обернувшись, поинтересовалась, куда он.

– Я рядом.

– Не ходи далеко, если по-быстрому, здесь делай. Я отвернусь.

– Ладно. – Ивану не хотелось спорить. Но и делать свои дела на виду у женщины ему не позволяла мужская гордость.

По правому берегу тянулись непроходимые кусты, за ними его никто не увидит. В то же время далеко не отойдёт.

Уже застёгивая ширинку, услышал рядом что-то вроде хэканья. Будто здоровый мужик угрожающе так прочищает горло. Уставший, он непозволительно долго соображал, откуда в тайге мужики. И когда из тальниковой густоты на него уставились два крупных, со сливу, глаза, над которыми покачивались разветвлённые рога сохатого, он в первый момент растерялся. До морды животного метра три, не убежать. Ему показалось, что на затылке волосы встали дыбом. Сколько же тут этих, сохатых?! Голова снова кхэкнула, и рога опустились ниже. Злые глаза продолжали буравить человека. Рука сама потянулась к ближайшей ветке: то ли отломать хотел, то ли забраться повыше, это на тальник-то! Иван и сам потом не мог толком объяснить, зачем он это хватался.

Лось утробно загудел, голова опустилась ещё ниже, так, что отростки рогов смотрели Ивану в лицо, и огромное тело его начало вываливаться из куста, явно собираясь боднуть Поддубного. В последний момент Иван на автомате сиганул в сторону, и лось проскочил мимо, успев затормозить перед противоположной стенкой балочки.

Животному хватило доли секунды, чтобы развернуться. В это мгновение Иван судорожно соображал, что же делать. Он и не подозревал, что за такие крохи времени в голове могут прокрутиться десятки мыслей. Выводы не радовали: отступить некуда, спину упруго подпёрли кусты. Прыгать в бок – тоже не вариант. Второй раз сохатый на одну и ту же уловку вряд ли попадётся. Оставалось только одно – мужественно принять смерть. Другого исхода лось ему, похоже, не оставлял.

Выстрел оглушил и напугал Поддубного. Сохатый неожиданно качнулся, голова повернулась в сторону, будто он пытался разглядеть, кто же его так больно ударил, и передние ноги подогнулись. Зверь, не спуская мутнеющего взгляда с Тони, замершей с карабином на изготовку, мягко завалился набок. Тревожный голос проводника вывел его из ступора:

– Ты цел?

Иван словно очнулся. Вдруг почувствовав слабость в ногах, он поискал глазами, куда бы присесть.

– Ага, цел.

Не найдя ничего подходящего, опустился прямо на мелкие камни дна. Нос сохатого, похожий на сгусток копчёного мяса, килограмма этак на два-три, почти уткнулся ему в подошву сапога.

Подскочив, Тоня присела напротив. Положив ружьё на колени, она ощупала руки, ноги Ивана. Он оторопело смотрел на неё.

– Ух, слава богу! Ну ты и напугал меня.

– А чего? – он сглотнул пересохшим горлом. – Ничего же, обошлось.

– Обошлось-то обошлось, – Тоня уже выпрямилась, изучающе поглядывая на тушу лося. – Всего разделять не буду, а то придётся останавливаться. Мясо надо коптить или солить. Времени на это нет. Но пару кусочков срежу, – она вытянула из ножен на поясе нож, и хищное лезвие блеснуло под выглянувшим в этот момент солнцем.

Мясо сохатого оказалось жёстким, поскольку лось, по определению Тони, разменял последний десяток лет, но на вкус совсем неплохим. Тоня добавила в варево лаврушки и чеснока, так что и на запах кушанье оказалось очень даже ничего. Уминал, только треск стоял, ну и немного зубы ломило, когда вгрызался в особо «резиновые» куски. На чистом воздухе, да после тяжёлой работы голод томил нешуточно. А сколько энергии потерял, прыгая в балке!

Так что мясо старого сохатого ушло на «ура», никто и не вспомнил о сваренном поутру куске лосятины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.